КРОКОДИЛ

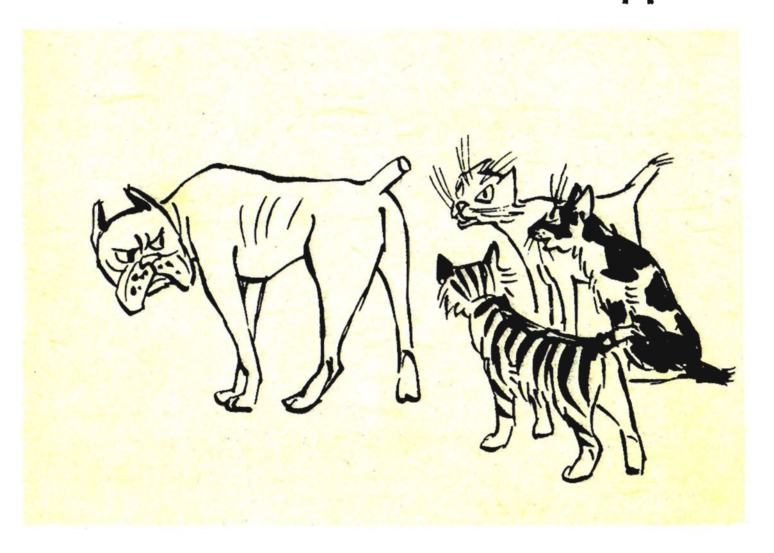

18
ИЮНЬ 1970

МУКИ ЛОДЫРЯ

— Как медленно течет время...

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

ЧТО ЗДЕСЬ ПРОИСХОДИТ?

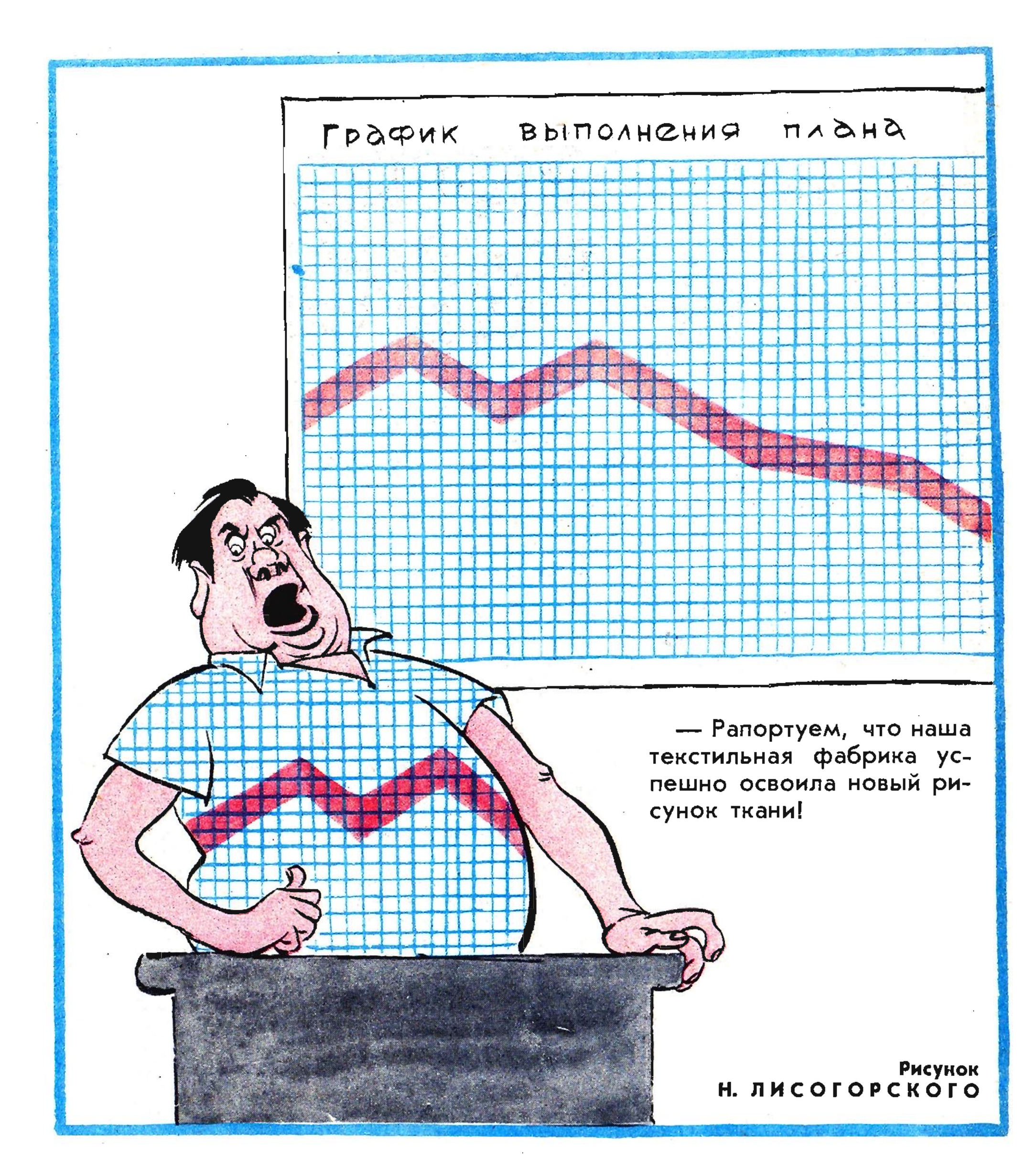

Да, почему этот извечный конфликт между собакой и кошками не дошел до логической развязки — потасовки с преследованием! Да потому, что Мурки признали в свирепом боксере своего.

— Так это же наш, габровец! — говорят они.

А почему у них укороченные хвосты!

Об этом и многом другом, связанном с веселыми традициями болгарского города Габрово, читатель узнает на 14—15 страницах журнала.

— Рапортуем, что наша текстильная фабрика успешно освоила новый рисунок ткани!

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО

Вл. МИТИН

КОГДА ПРОИГРЫВАЕТ СИЛЬНЕЙШИЙ...

Почти месяц проходил в Москве закончившийся 25 июня IV Международный конкурс имени П. И. Чайковского, или, как его называют неофициально, парад музыкальной юности мира. В конкурсе участвовало более 250 молодых исполнителей — певцов, пианистов, скрипачей, виолончелистов из 35 стран Европы, Азии, Северной и Южной Америки, Австралии. Конкурсу и посвящен этот околомузыкальный репортаж...

Июнь принес москвичам сладкие хлопоты: к шести надо проникнуть в Консерваторию на пианиста Севидова, а через какие-то два часа англичане бьются с бразильцами. И хорошо еще, если ваше музыкальное образование кончилось на фортепиано. А каково тому, кто вдобавок любит скрипку или виолончель!..

А голос, этот упоительный вокал? Его так много в конкурсные, жаркие пополам с ливнем дни, что вокалистка Кэролайн Кимбэлл, прилетевшая на конкурс из Нью-Йорка, будучи, что называется, в интересном положении, говорит:

— Аут! Повезло, что провалилась еще в первом туре. А то я уже начала побаиваться, что через три месяца, родясь, он или она первым делом скажет: «Хватит петь, мэмми!..»

Провалилась... А ведь очень сильная певица! Но и спортивный накал состязания необыкновенно высок. А уровень страстей, бушующих вокруг?

Я не напрасно сказал: про-ник-нуть в Консерваторию, или в Колонный зал, или в зал, носящий имя русского гения, незримо, но очень уверенно ведущего свой Четвертый международный конкурс. Теперь окончательно ясно: фанатик музыкальный проигрывает футбольному разве что по количеству очков с диоптриями, потерянными за чтением нот в темные вундеркиндные годы. Он может часами валяться в ногах у консерваторской кассирши, а затем, отряхнув вестибюльный прах с колен, все-таки идет врукопашную на билетеров.

— Ведь знал же, чувствовал,— тоскует главный администратор Владимир Захаров, прячась в самом потаенном уголке консерваторского двора.— Хотел же уехать, скрыться на это время. Взять бюллетень...

Но нет, не мог, не мог он взять в эти дни голубой больничный лист. Также никуда не скрылся величественный директор-распорядитель, хозяйственный царь и бог конкурса, проректор Консерватории Константин Николаевич Нужин.

— Как их бросишь? — нежно шепчет Константин Николаевич, слушая одним ухом одну телефонную мольбу, другим — другую.— На кого же их оставить?.. Как дети малые!

И правда. «Детей» в возрасте от неизвестно какого до предусмотренных конкурсными условиями тридцати слетелось, приехало и приплыло в Москву тучи. И все какие сильные музыкальные дети... А члены жюри и почетные гости? Мамы, наконец!..

О, мамы — особый разговор. Мама конкурсанта — неувядаемая находка для репортера. Мамы, конечно же, приехали сюда, дабы делить с чадами их радости и горести. Когда редакционные перья тупятся о мамин героизм, в ход идет резерв газетного главного командования: побелевшие губы матерей, в волнении лепечущие что-то по-бельгийски или по-новозеландски...

Но что же сам слушатель, сам музыкальный болельщик, как правило, не воспетый, высокомерно обойденный большой прессой? Я сам видел, как он, обезличенный («зал неоднократно взрывался аплодисментами...»), этот типичный москвич, привстав от волнения, шептал побелевшими устами, болея за скрипача Гидона Кремера:

— Шайбу!.. Шайбу!..

Кстати, как я выяснил позднее в кулуарах, «типичный москвич» оказался типичным хабаровцем.

— Теперь вот что, скажите, делать? Ехал-то я в Сочи, а очутился на конкурсе. И не загорел. Как вы думаете, знакомые поверят?..

Поверят, поверят. Хотя и болтают про Москву иногородние языки, что к слезам она относится скептически. Верит же генеральный администратор Векслер, когда с настоящими слезами на глазах самый что ни на есть коренной тушинский житель вдруг выдает себя за землепроходца-целинника, специально прилетевшего послушать виолончелиста Д. Герингаса!

В эти июньские дни улица Герцена вопреки утверждению газетчиков стала не шире, а уже: столько машин, столько народу, столько улыбок... И только одной улыбки впотьмах не видно. Да и как ее увидишь, когда второй час ночи, и в кабинете ответственного за все это дело Завена Гевондовича Вартаняна, который в «мирное время» является начальником всех музучреждений страны, раздается звонок из дома. Поставлен ультиматум: либо глава семьи вообще переселяется в служебный кабинет, либо сама семья переезжает жить в Консерваторию...

Но вот и утро. И льется в окна голубиная стаккатная бормотня... Конечно, организаторы конкурса устали, им хочется подойти к рассветному окну и, кряхтя, снять с себя бремя ответственности. Хоть на время, хоть на полчаса! До первого такта, с которого начнется очередной конкурсный день. Что принесет он даже сильнейшим на этом небывало трудном состязании? Улыбку победы? Слезы поражения?

Что ж, бывает, проигрывают даже сильнейшие. Но надо ли падать духом? На прощанье окиньте взглядом памятник Чайковскому. Кажется, Петр Ильич в целом всеми доволен. Сам он соседствовал здесь и с Бахом, и с Моцартом, и с Дебюсси. Что же до участников конкурса — американца Дж. Веста, русского Владимира Крайнева, француженки Анжерер, болгарина Николова и многих десятков других, они тоже все выиграли: нашли друг друга и, понятно, себя в исконно музыкальной Москве.

Самиг АБДУКАХХАР

ЛЮБИМЫЙ СОРТ

Недавно на одной из улиц
такой я слышал разговор:
— Дай закурить...
— А что ты куришь!
«Казбек»!
«Пальмиру»!
«Беломор»!
Ты не стесняйся, бога ради!
— Да нет,
спасибо,
что юлить...
Люблю я те,
сказать по правде,
какие можно
подстрелить!

Деревья на ветру шумели,
как ветераны на пиру,
а мне припомнился
немедля
один «соратник» по перу.
Его творения громадны,
как непрощенные грехи:
он пишет очерки, романы,
статьи, поэмы и стихи.
А между делом
для балета
он изготовил два либретто...
Но, главное, известен тем,
что всяческих касался тем.
Село, завод, бойцы,
спортсмены,
бетон, урюк и колбаса —
любые темы неизменно
он покоряет в полчаса.
Тут главное — глаза и уши.
Поспел повсюду наш
пострел:
три темы где-то он
подслушал,
пять — у кого-то
подсмотрел.
Души не вкладывая жара,
кого бы ни изображал,
он слил все мыслимые
жанры
в один большой
халтурный жанр...

Перевел с узбекского
А. НАУМОВ

Дм. ДЕМИН

МИНИ-БАСНИ

В ЦЕЙТНОТЕ

За суетой,
за спешкою
И Ферзь
бывает
Пешкою.

СУБОРДИНАЦИЯ

Не убил Охотник Волка —
Обвиняется Двустволка.

ДАТОЛЮБИТЕЛЬ

День Аванса,
День Зарплаты —
Две его любимых даты.

Али БОБОДЖОН

КОМПРОМИСС

— Что лучше:
блюдо плова опростать
иль всласть поспать,
с постели не вставая! —
спросили мы
отпетого лентяя.
— Ни то ни се,—
ответил он, зевая.—
Хотел бы я
за пловом подремать!

Перевел с таджикского
В. АЛЕКСАНДРОВ

Э. ПОЛЯНСКИЙ,
специальный
корреспондент
Крокодила

ВЗМАХ ТОПОРА

Бывает такое состояние, когда душа скучает по топору, когда не терпится размахнуться и что-нибудь эдакое оттяпать. Все равно что! Что попадется под руку. Лишь бы продемонстрировать удаль молодецкую, силу недюжинную и другие богатырские возможности.

В 1962 году вот так оттяпали одну железнодорожную ветку. Случилось это в городе Орле. Ночью. Еще вечером вдоль ветки, которая соединяла завод «Текмаш», гипсовый комбинат и объединение «Сельхозтехника» со станцией, прохаживалось городское руководство, а наутро ветки частично не стало. Наутро вагон с готовой продукцией «Текмаша» на подходе к станции уперся в голую насыпь.

Переиначим пословицу, скажем так: «Что вырублено топором, того не опишешь пером». Трудно охватить пером все погрузочно-разгрузочные мытарства отсеченных от станции предприятий.

Начнем с «Текмаша».

Раньше его продукция загружалась в вагоны на заводской территории. Теперь продукцию грузят на автотранспорт, который, пробежав расстояние в четыре километра (длина ветки была 800 метров), доставляет ее на станцию. Ее сгружают на товарном дворе, где она и лежит до подачи вагонов, тасуемая тремя кладовщиками и опекаемая шестью охранниками.

Такой же путь, хотя и в обратном порядке, проделывает груз, поступающий в адрес завода. Конечно, он мгновенно с вагонами не расстается. Какое-то время, пока заместитель директора по коммерческой части охрипшим голосом выбивает по телефону транспорт (собственного не хватает), груз ждет своей участи. За что железная дорога, разумеется, штрафует.

Итого у «Текмаша» ежегодных потерь на 320 тысяч рублей.

О гипсовом комбинате писать вдвое легче: его потери от вырубки ветки в два раза меньше — 160 тысяч.

По «Сельхозтехнике» цифру потерь и называть-то неловко. Всего 44 тысячи рублей!

Но, проделав два арифметических действия — сложение и умножение, установим итоговую цифру потерь. За восемь лет — более четырех миллионов рублей. Вот во что, по скромным подсчетам, обошелся государству один взмах топора.

Вы спросите, почему автор взял такой давнишний факт: неужели ему не хватает свежей порубки? Отвечу: хватает. Но данная история с ампутацией подъездного пути тесно связана с нынешним днем.

Весь фокус в том, что еще с 1958 года утрясался проект сооружения новых подъездных путей. Старая ветка, вторгаясь на территорию станции, мешала строительству пакгауза. Она подлежала сносу, но, заметьте, лишь после того, как перевалка грузов пойдет по новой ветке.

Однако топородержателям из городского руководства не терпелось. Душа зудела. Удаль молодецкая искала приложения. Тем более, ликвидация старой ветки как бы преследовала цель дать толчок: поставить заинтересованные предприятия в безвыходное положение, чтобы они переходили от стадии утрясания к стадии сооружения.

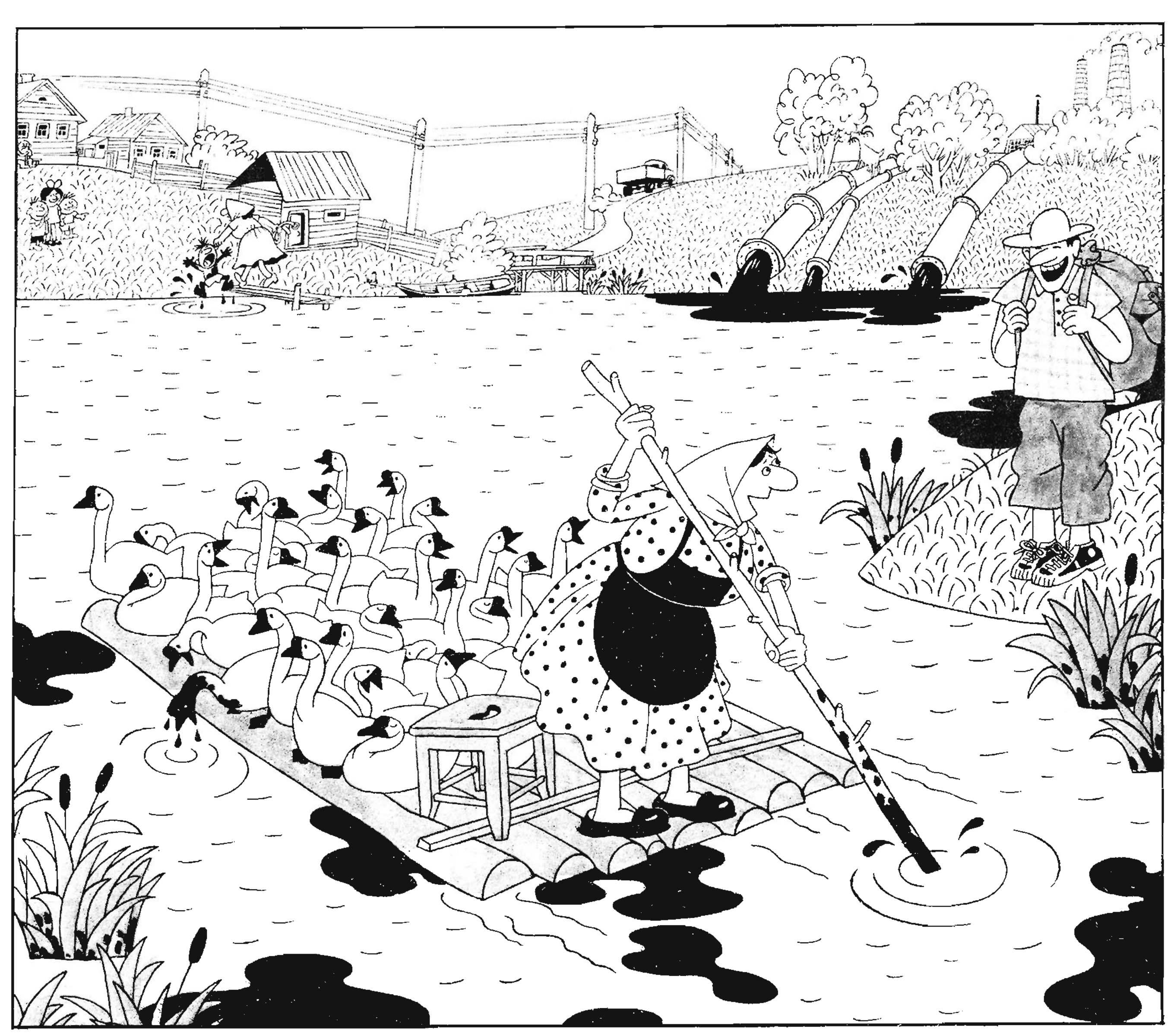
И действительно, в 1963 году развернулось строительство. Но (вот и связи с текущим моментом!) оно развертывается до наших дней. И никто не знает, когда перейдет к стадии завершения.

Причин масса. То заказчик спорит с подрядчиком, кому сносить сарай. То обнаруживается ляпсус горсовета, выделившего здесь в свое время земельный участок для «Центротехмонтажа». А теперь выясняется, что на пути новой ветки вызывающе торчит угол цехового строения.

Пока из двух миллионов рублей, ассигнованных на строительство, освоено 865 тысяч. Предприятия продолжают нести убытки, сумма которых перевалила за стоимость двух железнодорожных веток.

С опаской думают сегодня в Орле: не пора ли запасаться вычислительной техникой для подсчета грядущих убытков?

г. Орел.

— Что они у вас, плавать, что ли, не умеют?
— Боятся испачкаться.

Рисунок Г. ОГОРОДНИКОВА

Очередь у прилавка

— Давайте, граждане, так: сперва кому чего попроще. Вот вам, гражданка, к примеру?

Э. Стасевич из Павлодара:

— У нас в городе нет ниток, представляете, самого нужного номера — сорокового для швейной машины. Ну, и штопальных тоже, конечно, нет в продаже, но тут мы сами приспособились: новые чулки распускаем и этими нитками старые штопаем. А как насчет сорокового номера?

— Один момент... Вот вам прялица-самопрядка фирмы «Прапрабабка». Прядет без веретена, только нить из кудели знай тяни да подножкой колесо накручивай. Аккурат сорокового номера и будет. Следующий!

Молодые супруги Колягины из поселка Орджоникидзевский, Красноярского края:

— Нам бы что-нибудь вместо утюга. На танцы хочется сходить, а в неглаженом виде приходится, конечно, сидеть дома. Как-то одна пожилая старушка рассказала нам, будто в старину были какие-то гладильные агрегаты — без утюга чтобы гладить. Но объяснить толком ничего не сумела. А утюг у нас даже через «Посылторг» достать невозможно.

— Правду она говорила: есть такой агрегат. Извольте: вот скалка, а вот и рубель катальный. Оберните скалку стираной одежкой да и катайся вальком, рубелем то есть на доброе здоровье... А вам чего?

Учительница Е. Рукавишникова из деревни Журавина, Курганской области:

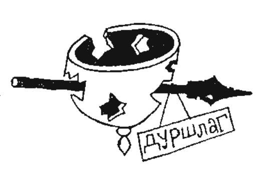
— В магазинах нашего Шатровского района нет ни карандашей, ни перьев. Даже тетрадей не бывает. Помогите.

— Что ж, берите перья гусиные на разные вкусы, грифели с досками грифельными... Взамен же бумажных тетрадей пожалуйте свитки берестяные — первый сорт!.. Нуте-с, а вам и вам чего угодно будет?.. Нет, нет, на ваш спрос готовых исконных заменителей пока не имеем. Вам надо в стол заказов обратиться — для специального изготовления. Прошу!

Стол заказов

Заказ гр-ки А. Воропаевой, которая не может купить в городе Саратове дуршлаг обыкновенный.

Поручено оружейных дел умельцу Дормидонту Кольчугину. Пусть возьмет шлем рыцарский и острой пикою понаделает в нем круглых дыр одного размера. Ручкою данного кухонного орудия могут служить щипцы каминные, должным образом к нему прикованные. Срок изготовления дуршлага — тотчас по отыскании тевтонского захоронения.

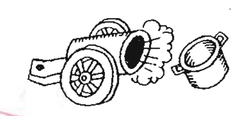
Заказ гр-на Е. Пушкова из Ростова-на-Дону на мягкую кровлю, поскольку толя в местной торговле нет.

Поручено мастеру родом из древлян Антипу Туескову. Требуется надрать лыка в достатке, связать пенькою в длинные куски, провощить воском и выстелить обещаниями ростовских хозяйственников расширить торговлю стройматериалами. Таких бумаг должно быть в избытке, поскольку в самом Ростове имеется, к примеру, свой толевый завод. Срок изготовления мягкой кровли — к осыпанию липового цвета.

Из книги жалоб и предложений

СУЩЕСТВО ЖАЛОБЫ	ОТМЕТКИ О ПРИНЯТЫХ МЕРАХ
Нигде не могу купить керогаз. Обратился в вашу лавку — говорят, что ничего, кроме хвороста для костра, предложить не могут. Безобразие! **Г. Солодовников. Белгородская обл.**	**Зав. лавкой объявлен выговор за некультурное обслуживание. Ему разъяснено, что древний керогаз в переводе на современный язык называется хворостокостром.**
Вы продали покупателю Максимову из Луганской области ядра пушечные, чтобы использовать их в раскаленном виде для кипячения воды в бадье взамен кастрюли. У нас кастрюль в продаже тоже нет, зато есть пятиведерные баки. Прошу сообщить тов. Максимову, если у него нет бадьи, я ему вышлю бак. А он мне пусть отсыплет несколько ядер. **И. Брильянтов, шофер, г. Зеленокумск.**	**Будет сделано. Кроме того, ввиду ограниченного запаса пушечных ядер в нашей лавке решено обратиться к кухонной индустрии с предложением перейти со штамповки кастрюль, которых все равно не хватает, на отливку ядер. Дело наверняка пойдет быстрее!**

Телеграмма в последнюю минуту

МОСКВА 748 МСК15/98 517КР845 (РЕС:
ЯАНЬШЕНСКОГО ФАЛЕНСКОГО — МОСКВА А-15 БУМАЖНЫЙ
34 33 28 1500 Д — ПРОЕЗД ДОМ 14 РЕДАКЦИЯ
ЖУРНАЛА КРОКОДИЛ
=УВАЖАЕМЫЙ КРОКОДИЛ НИГДЕ НЕ МОЖЕМ ПРИОБРЕСТИ СЕДЛА ПОДСКАЖИТЕ АДРЕС ЗА СЕДЛО МЕНЯЕМ ТРАКТОР ИЛИ ДРУГУЮ ЖИВНОСТЬ=СОВХОЗ РОССИЯ КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ ФАЛЕНСКОГО РАЙОНА ДИРЕКТОР МИЛКОВ—

— Гони отсюда свое стадо! Пасти скотину в лесу запрещено!

Рисунок Б САВКОВА

Главк есть главк

Б. ДАНЕЛИЯ, специальный корреспондент Крокодила

Я знал человека, который добывал деньги из воздуха. Он поднимал руку вверх, проводил ею над головой, и, когда разжимал кулак, на ладони у него лежал рубль.

— Вы фокусник? — поинтересовался я.

— С чего вы взяли? — удивился он.— Я работаю в системе заготовок.

В моей душе проснулось ненасытное любопытство, и я задал новый вопрос:

— А как вы это делаете... ну, эти... деньги?

— Вот так!

Он вновь поднял руку вверх, провел ею над головой и, разжав кулак, показал хрустящую трехрублевую купюру.

Недавно я разговорился с другим человеком, Львом Федоровичем Хануком, который подвизается в той же области.

— А вы тоже умеете делать деньги из воздуха? — спросил я.

— Нет,— сказал он.— Я делаю их из тряпья.

— Да, но как именно? — нетерпеливо воскликнул я.— Как вам это удается?

— По-всякому,— неопределенно ответил он.— Как когда.

Не желая и на этот раз оставаться в дураках, я решил довести дело до конца и отправился в большую вышестоящую контору.

— Простите,— как можно вежливей осведомился я,— где здесь отдел тряпок?

— Какая тряпка конкретно вас интересует?

— Всякая,— сказал я.

— Тогда это там!

Я внимательно оглядел таблички на дверях всех тринадцати отделов, но так нигде и не обнаружил отдела по добыче денег из тряпья.

Любопытство толкнуло меня в ближайшую дверь. Едва переступив порог, я понял, что это здесь. Передо мной, судя по всему, сидело ответственное лицо и сосредоточенно перебирало разноцветные лоскутки.

— Отдел тряпок?

— Это главк,— сказало лицо.— Союзвторсырье. Вас интересует тряпье?

Я кивнул головой и повторил свой навязчивый вопрос: какова технология переработки вторсырья в некий иной, более весомый и компактный продукт в виде хрустящих глянцевых бумажек?

При этом я особо подчеркнул, что исходным сырьем не обязательно должны быть тряпки. Это может быть также железный лом, макулатура и даже абрикосовые косточки.

— Вам что? — с интересом уставился на меня ответственный работник главка.— Делать нечего?

— Вы меня, конечно, извините,— обиженно сказал я,— но я глубоко интересуюсь заготовкой тряпок. В своем, конечно, разрезе.

— Ах, тряпок! В разрезе! — с сарказмом воскликнул человек с лоскутками.— А знаете ли вы, что такое тряпки?

К моему стыду, выяснилось, что знал я об этом не так уж много. Оказывается, тряпки — это картон, картон — это рубероид, а рубероид — стройматериалы, и так далее.

Важность проблемы была очевидна.

— Но ведь тряпки не только рубероид,— вкрадчиво сказал я.— Есть в них и еще кое-что... Ваш заготовитель Ханук, например, делает из них...

— ...план! — подсказал мой собеседник.

Это было сказано не наобум. Действительно, большой главк делал большое дело, и трудности у него были тоже немалые.

Все упиралось в индивидуального сдатчика. Сам того не желая, он хранит в своих чуланах несметные залежи вторсырья. Добиться, чтобы малосознательный сдатчик добровольно расстался с этим богатством,— цель главка.

Если заготовитель, скажем, тот же Лев Федорович Ханук, не выполняет план,— не выполняет его и главк. Не выполняет главк,— не выполняют заводы. Срываются поставки, ломаются графики, замирают стройки!

Но даже самый бывалый заготовитель, если он один,— в поле не воин. Поэтому на помощь ему приходит главк. Он организует так называемую встречную торговлю и в обмен на старые вещи предлагает сдатчику новые полноценные товары. Заготовитель Ханук поднимает руку вверх, проводит ею над головой и...

— Дальше, дальше! — не вытерпел я.— И?

— Что «и»? — косо глянул на меня человек из главка.— Дает план!

— За тряпки — дефицитные товары? — спросил я.

— Вот именно. Сначала это были эмалированные кастрюли. Но потом спрос на них упал, и мы стали предлагать модные трикотажные костюмы. Прошел спрос и на них.

— А потом?

Мой собеседник погрузился в воспоминания. Я потихоньку выскользнул в коридор. Я заглянул во все тринадцать отделов и увидел озабоченных людей. Все ломали голову над тем, чем бы еще стимулировать малоактивного индивидуального сдатчика.

Предложенные кем-то душистые ананасы, малосольная семга и зернистая икра тут же были отвергнуты. Обсуждался вопрос о водолазках. Когда отвергли и их, все вопросительно уставились на меня.

— Дубленки! Пыжиковые шапки! — посоветовал я, проникаясь чувством общей ответственности за судьбу производственного плана.— Перламутровые сапоги!

Идею никто не поддержал.

Наконец могучий стимул был найден. Им оказались обыкновенные консервные крышки, предназначенные для любительского консервирования овощей в домашних условиях. Перед таким стимулом не сможет устоять ни один индивидуальный сдатчик!

С этой минуты мысль о стимулировании меня уже не покидала. В голове все время рождались новые проекты.

В ближайшее воскресенье я отправился за город, чтобы на досуге все как следует обдумать. Навстречу мне с победным ревом неслись тяжелые грузовики, доверху нагруженные вторсырьем. Это указывало на то, что могучий стимул в виде консервных крышек безотказно воздействует на индивидуального сдатчика.

Но вдруг выяснилось, что консервные крышки здесь ни при чем. В центре одного подмосковного поселка я увидел огромный грузовик с прицепом. В кузове грузовика возвышался мой старый знакомец — заготовитель Гагаринской конторы вторсырья Лев Федорович Ханук. За поясом у него торчало полдюжины игрушечных пистолетов. Еще сотня таких же пистолетов лежала в открытом чемодане. Здесь же громоздилось полтора десятка ящиков, в которых поблескивали смазанные солидолом консервные крышки.

Заготовитель поочередно выхватывал из-за пояса пистолеты и, оглашая воздух пальбой, призывал местных мальчишек и их мам осознать роль вторичного сырья в общем промышленном потенциале.

Мальчишкам удалось без труда продемонстрировать свою сознательность. Они тут же вручали заготовителю охапки тряпья и получали взамен гремящую игрушку с полным комплектом боезапаса.

Мамам было труднее. Стоило какой-нибудь из них потянуться к консервным крышкам, как Лев Федорович делал предостерегающий жест:

— С крышками подождите!

Когда наконец грузовик с прицепом были до отказа набиты старыми салопами, потрепанными кацавейками и прочими бывшими в употреблении вещами устаревших фасонов, заготовитель организовал встречную торговлю.

— А, ну, навались, у кого деньги завелись!

Мальчишки дружно грохнули из пистолетов, а тяготевшие к домашнему консервированию мамы ринулись к ящикам со стимулирующим товаром.

Крышки заготовитель отпускал только за наличный расчет и по двойной цене — трехкопеечную крышку по шесть копеек за штуку. Три копейки с каждой крышки принадлежали главку как себестоимость и подотчетная сумма. Что же касается остального, то Ханук брал сотню крышек, поднимал руку вверх, проводил ею над головой, и когда разжимал кулак, на ладони у него оставалось три рубля чистого барыша.

— Так вот оно что! — постигая тайну, свистнул я.— Вот как добываются хрустящие глянцевые бумажки из тряпья!

Я без труда вообразил, какую можно устроить ярмарку с помощью десяти миллионов крышек. Тех самых, за которые начальник главка «Союзвторсырье» поручился своей подписью и печатью!

Однако куда интереснее был другой вопрос. Дефицит — единственная форма взаимоотношений «Союзглавторсырья» с индивидуальным сдатчиком. Но ведь такой организации, как солидный союзный главк, по плечу и иные формы. Основанные на опросе населения, статистике и простом сервисе.

Ведь даже старьевщик моего детства дядя Антон и тот строил свою работу с куда большим знанием дела.

— Стар-ры вещи бер-рем! — объявлял он на весь двор и раскладывал перед собой нитки, шпильки, наперстки. Не дефицит, а простые необходимые вещи...

Но главк стоит на своем. Там по-прежнему ломают голову над тем, какие еще стимулирующие товары раздобыть. Над этим трудятся сам начальник главка, его заместители и все тринадцать отделов. А стимулируют они главным образом заготовителя Ханука.

Ну что ж, главк есть главк. Ему виднее.

Я тут ни при чем

Однажды я проснулся, полежал и понял, что надо браться за ум. Старость не за горами. Пора определяться в жизни.

«Кем бы мне стать? Чтобы уж раз и навсегда? И чтобы зарплата, слава, почет и уважение?» — так думал я в то утро.

Решил начать устраивать свою жизнь на новой, прочной основе в тот же день. Уволился с должности смотрителя вольеры с приматами и пошел в люди. Дело известное: чтобы хорошо устроиться, нужны связи. Звоню одному другу. Изложил свои опасения и тревоги, высказал свои затаенные желания. Друг задумался по телефону, потом воскликнул озаренно:

— Ба! Позвони Александру Николаевичу! Его как раз позавчера назначили главным!

— Но меня-то он совсем не знает!

— При чем тут ты! Мы с ним вместе париться в Сандуны ходим. Сошлешься на меня — и будет полный порядок. Пока!

Не люблю я звонить. Но дело такое — к старости идет. Надо. Позвонил Александру Николаевичу, сослался на друга.

— Так, так,— сказал Александр Николаевич.— Понятно. Да я много с кем в Сандуны хожу. Это бородатый, что ли? В парной, знаете, не очень-то запоминаются личности. Что же вам посоветовать? Позвоните-ка вы Андрей Леонидычу и сошлитесь на меня. Меня-то он хорошо помнит, а вы тут ни при чем. Мы с ним женаты были на одной женщине, правда, в разное время. Пока.

Только набирая телефон Андрей Леонидыча, я понял, как не люблю всякие блатмейстерские делишки, но случай исключительный — старость в глаза катит. Соединился с Андрей Леонидычем.

— От Александра Николаевича? Сам просил на него сослаться? Все такой же нахал — не меняет его времечко. Нет, нет, вы тут ни при чем! Так что же с вами делать? Ладно. Вы вот что: позвоните Толику. Мне он многим обязан. Так и скажите, что от меня. Не за что. Пока.

Звоню Толику.

— Кто? Чего надо? От кого? А, от этого! Вот хам! За неделю третьего подсовывает. Думаю, что я давно отработал ему, что должен. Что? И не вздумайте передавать! Это я сам с собой. Вы тут ни при чем. Вы зайдите к Гутинову. Скажете, что я прислал.

Я приоделся и направился к Гутинову. Вхожу к Гутинову.

— Здрасте. Знаю. Звонили. А что я могу сделать? У меня штаты не резиновые. Да нет, нет! Сидите! Вы тут ни при чем! Разве в вас дело? — Гутинов набрал номер. — Илюшка? Зайди ко мне, Илья. Возьмешь товарища. Мало ли что некуда. Найди. — Гутинов грохнул трубкой.

Через пять минут пришел Илюшка, старый, нечесаный и сердитый человек.

— Этот, что ли?—спросил Илюшка.

— Он. Бери и ставь к делу.

— Да что вы тут, очертенели, что ли? Присылают, присылают и присылают.

Илюшка вышел, я за ним.

— Может, мне уйти? — робко спросил я Илюшку.

— Да при чем тут вы! — отмахнулся Илюшка.— Счастье ваше — есть у меня одно место. Только сегодня освободилось.

— А что за место?

— Смотреть за вольерой с этими, как их там?

— С приматами?

— Во. С ими.

«НОС»

КТО ВЫ, ТОВАРИЩ ИКС?

Творческий стимул

Работа у нас, хозяйственников научно-исследовательских учреждений, надо сказать, тяжелая и неблагодарная. На всяких собраниях, конференциях доброго слова о нас никто не скажет, а только знают кричать: почему этого не достали, того не приобрели. Некоторые совсем обнаглели. Вот этот, например, как его... Забыл фамилию... Ну, неважно...

— Почему,—говорит,—не обеспечили нас карандашами и резинками?

— Ну,— говорю,— ты уж совсем того, совесть,— говорю,— потерял. Карандаш копейку стоит, а ты и его с государства тянешь.

Или вот в стенгазете у нас пишут: не желаем костяшки на счетах гонять, подавай нам электронно-вычислительные машины. Конечно, я им машины достать могу — напишу письма туда-сюда, глядишь, где-нибудь прислушаются к нашим мольбам и лет эдак через пять — десять пришлют. Не в этом, как говорится, дело. Машины эти будут сметы считать, а что, спрашивается, сотрудники делать будут? За зарплатой приходить будут? Вот то-то и оно. Работать надо, а не об машинах болтать.

И вот так постоянно — ругают нас все, кому не лень. А ведь если по справедливости разобраться, молиться на нас должны.

Приходит как-то ко мне кандидат наук с заказом на вакуумную печь. А печь эта тыщи стоит. Он этого, дурень ученый, будто бы не понимает. Ему вынь да положь.

— Будет сделано,— говорю.

А сам думаю: фигу тебе на постном масле, а не печь вакуумную. В вакууме-то процесс и дурак проведет, а ты, ежели умный, попробуй без вакуума обойтись.

Ну и что же вы думаете? Ждал он год, два, три своей печи, а недавно приходит, ручку мне жмет.

— Спасибо,— говорит,— я благодаря вам процесс безвакуумный изобрел.

И авторское свидетельство показывает.

Другой случай. Заявляется один инженер из лаборатории.

— Мне нужен сплав.

— Будет сделано,— говорю.

Привожу ему назавтра целую машину... камней. Он аж каким-то серо-буро-малиновым сделался.

— Я,— говорит,— сплав просил, а не камни.

— Чего,— говорю,— раскричался? Не было сплава, были камни. Вот их и получай, а то вообще ничего не получишь.

Что из всего этого вышло? Он из этих камней сплав научился получать.

Вот так-то. Умный человек всегда найдет выход из положения. Он ведь понимает, что отдел снабжения в любом научно-исследовательском учреждении создается для стимулирования творческой деятельности сотрудников.

«УС»

Объективные причины

После окончания института поступил я на работу. Инженером. К одному людоеду.

Поручил он мне кое-какую работу сделать. Чепуховую. Там всего делов-то — раз-два и готово. Даже мараться не хочется... И вот каждое утро — ну не людоед ли? — каждое утро вызывает он меня к себе и вежливо-вежливо, до того вежливо, что даже ехидно, спрашивает:

— Ну как?

А что как? Никак, мол... Не приступал еще. Но ведь такое не скажешь!

Вот и говорю поэтому:

— Знаете, Пал Андреич, пришла мне в голову одна идея. Так сказать, новый вариант. Улучшенный. Пока обдумываю детали...

А он мне:

— Ну-ну...

И вот так каждое утро. Я вхожу, он сразу:

— Ну как?

— Знаете, Пал Андреич, не поверите: вчера мысль в голову ударила. Решил начать все сначала.

А он свое:

— Ну-ну...

Каждый день! Представляете мое положение? Не могут же мне каждый день приходить в голову гениальные идеи! А не сказать ли в следующий раз, что у меня зубы мудрости прорезались? Нет, зубы — это е причина, чтобы не делать работу. от если б... И тут меня осеняет.

Прихожу на следующий день. Пал ндреич наизготове:

— Ну как?

Я упираю глаза в ботинки и отвеаю в высшей степени смущенно:

— Такое дело, Пал Андреич... Не наю, как и сказать-то... В общем, кенюсь я. Так уж вышло. Сердцу е прикажешь. Требует прямо завта. Приспичило... Но вы, Пал Андреич, не беспокойтесь, я все сделаю. За медовый месяц управлюсь.

— Ну-ну,— говорит Пал Андреич.

Новое утро, снова вопрос:

— Ну как?

Опять смущаюсь, насколько могу.

— Пал Андреич,— говорю,— у нас коро будет мальчик...

— Что ж так скоро? — спрашивает.

— О,— говорю,— вы меня не знате. Я все рассчитал! Вес у него будет — три шестьсот, рост — 52, имя, как у вас, Павлушка. Я думаю, смышленым будет...

— Ну-ну,— вздыхает Пал Андреич.

Наконец, прихожу я вчера, жду, как всегда, традиционного вопроса. Однако Пал Андреич на меня и не смотрит. В чем дело, думаю, почему он не спрашивает? Я без его вопросов уже просто и работать не могу. Тем более на сегодня у меня великолепная объективная причина. Я вчера над ней полдня проработал. Такая причинка — пальчики оближешь!

Верчусь я возле него, верчусь, глаза мозолю, жду, когда он спросит, как у меня дела, а он — тьфу на меня! — не спрашивает. И такая обида меня взяла! Теперь назло ему работу делать не стану...

И тут он вдруг замечает меня.

— Ну как? — спрашивает.— Вы еще там не померли?

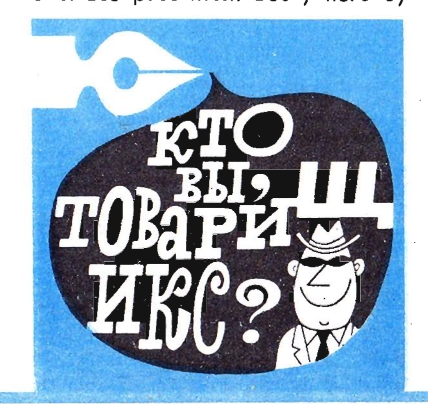
— То есть как не помер? — Мне словно ушат воды на новый костюм.

— Мы с вами уже по всей вашей многострадальной жизни прошлись,— отвечает.— Чего только у вас не было! И дети, и катастрофы, и эпидемии... Вот я и подумал: чем вы сегодня передо мной оправдаетесь? Не иначе, как сообщите мне, что скоропостижно скончались, потому и работу не смогли закончить. Объективная причина — дальше некуда...

— Напрасно иронизируете,— говорю с достоинством.— В конце концов я молодой специалист, отработал здесь три года, теперь могу со спокойной совестью от вас уйти...

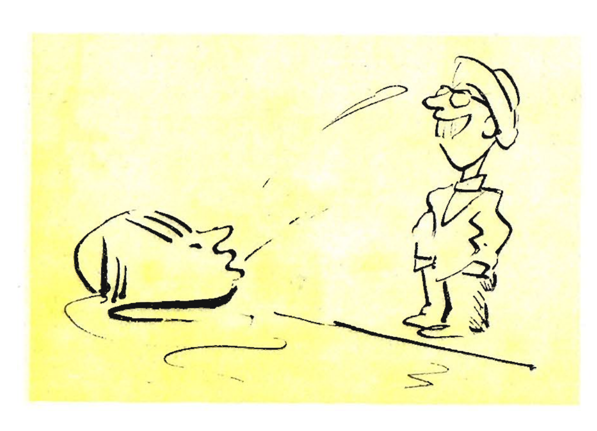
— Уходите,— отвечает Пал Андреич и впервые за три года улыбается.

«БРЫНЗА»

Януш ОСЕНКА

ПРИКЛЮЧЕНИЕ НА ПЛЯЖЕ

На днях угораздило меня заплыть на глубокое место, и вдруг начал я тонуть.

На берегу стоял какой-то тип. Я ему кричу:

— Спасите! Помогите!

А он в ответ:

— Очень жаль, но спасателя нет.

Едва держусь на поверхности, отчаянно колочу по воде и спрашиваю:

— Где же он? Зовите быстрее спасателя!

— Не кричите так! — строго отчитывает меня этот тип на берегу.— Вы же видите объявление: «Ушел на лекцию о декомпрессии». Читать умеете?

— Умею. А плавать не могу,— забулькал я, идя под воду. С трудом вынырнув, выплевываю воду и говорю: — Пускай этот спасатель ходит на лекции в нерабочее время!

— Ничего вы не понимаете! — орет тот.— «В нерабочее время...» После работы у него занятия по плаванию!

— Спасателю полагается спасать, а не учить плавать,— возражаю я, медленно погружаясь.

— Он вовсе не учит,— объясняет тип,— сам берет уроки плавания. Должен спасатель уметь плавать или нет?

— Должен! — возмущаюсь я, свирепо отплевываясь.— Только сначала надо уметь плавать, а потом идти работать спасателем! Безобразие!

— Он еще совсем молодой.

— Пан! Я же тону! Бросьте мне хотя бы спасательный круг! — кричу я.

— Круга нет,— отвечает тип.

— А где же он?

— Спасатель захватил его с собой в город.

— Почему? — допытываюсь я, захлебываясь от воды и злости.

— Не мог оставить! Боялся, что кто-нибудь украдет, а он за этот круг головой отвечает.

— Болван! — кричу я.

— Не оскорбляйте работника при исполнении служебных обязанностей! Могут быть неприятности.

— Я никого не хотел обидеть,— говорю я испуганно.— Просто тону себе, и все.

— Это другое дело,— говорит он.

А меня между тем относит течением.

— Спасите! На помощь! — ору я из-под воды.

— Кому вы кричите? — журит меня человек с берега.— Вам же объяснили, а вы все свое.

У меня мелькает спасительная мысль:

— Может, вы попробуете меня вытащить?

— Понятия не имею, как это делать,— заявляет тип.— Еще утоплю. У меня другие функции.

— Какие функции?

— Я перевожу.

— Переводите?

— Да, перевожу на польский язык крики «спасите» с других языков, когда тонут иностранцы.

— Для кого переводите?

— Для спасателя, который обслуживает иностранцев, он ведь не знает языков,— с достоинством поясняет переводчик.

Тут я с таким остервенением замахал руками, что неожиданно для себя научился плавать.

Словом, если сегодня я еще жив, так только от злости.

Перевод с польского Э. МИРОШХИНОЙ и А. РОЗЕНФЕЛЬДА.

ВАШИНГТОН. На имя президента Никсона в Белый дом пришла авиапосылка, в которой оказались кирпичи и записочка с подписями 250 студентов из Аризоны. Текст гласил: «Мы направляем вам эти кирпичи почтой, а не кидаем их прямо в окна Белого дома, потому что являемся сторонникамн мирных демонстрацнй протнв войны во Вьетнаме».

КОПЕНГАГЕН. Всемирной известностью пользуется местный музей «Лузиака», специализирующийся на показе сверхмодернистских произведений искусства. Однако даже директор этого музея Кнуд Енсен отказался выставить «произведение» некоего Бьёрна Норгарда: разрубленную на куски конскую тушу, уложенную в 400 стеклянных банок. Директор музея заявил, что это уже не искусство, а розничная торговля кониной.

МЕЛЬБУРН (Австралия). Местная радиостанция проводила конкурс на самую краткую, но в то же время исчерпывающую автобиографию. Первой премии была удостоена некая Виктория Муллиген. Вот как она описала свою жизнь: «В молодости у меня было гладкое лицо и юбка в складках. Сейчас — наоборот».

ЦЮРИХ. Однажды ночью неизвестные грабители, разбив витрину магазина «Сделай сам», пробрались внутрь, вскрыли кассу, похитили 17 400 франков и благополучно скрылись. Кассу вскрыли при помощи инструментов, продающихся в этом же магазине...

ГААГА. В последнее время на имя голландского министра сельского хозяйства почта доставляет чуть ли не ежедневно огромные посылки — целые сундуки. А содержимое их — крохотное пустое портмоне, завернутое в солому. Таким выразительным способом крестьяне провинции Фрисланд намекают на разорительные последствия аграрной политики правительства.

НЬЮ-ЙОРК. В США вышла книга, быстро ставшая бестселлером. Называется она «Как нервировать соседа» и содержит ряд соответствующих рецептов. Вот один из них: «Если до поздней ночи вам мешает спать слишком громкая музыка в квартире соседа, позвоните к нему в пятом часу утра и поблагодарите за великолепный концерт».

Двуликий янки. Рисунок Бор. ЕФИМОВА

В пятницу, которая как раз пришлась на тринадцатое число, у Гамовых потерялась свинья Машка, одиннадцати месяцев от роду, пегая, одно ухо разодранное собаками, левый бок чуть-чуть синий по той причине, что Машка терлась о свежепокрашенный клубный забор. Других особых примет не было, свинья как свинья, только вот потерялась, хотя за все одиннадцать месяцев жизни у Гамовых никогда никуда не отлучалась — такая была домоседливая.

— Хорошая была свиньюшка, что и говорить,— рассказывал набежавшим соседям старик Гамов.— Во-первых, ласковая, во-вторых, жоркая, в-третьих, сказать, вежливая. Бывало, куришь махорку, дунешь ей дымом в нос — хоть бы хны! А ведь другая могла бы и осерчать.

Старуха Гамова ошалела совсем. Сидя на сундуке, зачем-то расчесывала волосы гребнем и сбивчиво говорила:

— Андрюшенька в армии, артиллеристом, думала, на седьмое Машку завалим, сальца пошлю... Ить это надо придумать — артиллеристом! Ты ее потаскай на себе, пушку-то. Ты ее потаскай без сала-то!

Соседи к Гамовым все прибывали. Как раз в тот миг, когда старуха говорила про пушку, пришел сосед Струев Никита, уселся на лавку, посмотрел на старика и старуху, скривился, но промолчал, только ехидно улыбнулся. А когда явилась его жена Анфиса — при серьгах и в цветастом платке, ну вылитая цыганка,— он сказал:

— Знать бы надо: теперь пушки не таскают! Теперь на пушке сами ездиют. Так что ты, Петровна, не клевещи.

Как только он кончил, пришагал еще один сосед — сторож с колхозной нефтебазы Матвеич, бородатый, но молодой. Этот на лавку садиться не стал, а, стоя в дверях, сразу сказал:

— Это хищение! Ты, дед Гамов, дело так не оставляй. А ты бы, Петровна, не сидела бы, волосы бы не чесала, а шла бы в сельсовет. Самому деду в сельсовет идти не надо: там к бабам лучше обращаются, чем к мужикам!

Тут Петровна, конечно, всполошилась:

— Может, мне в сам деле побежать, старик?

Но дед Гамов подумал, что в сельсовет идти еще рано.

— Во-первых, сказать,— рассудил он,— Машка еще может найтись, во-вторых, сказать, сегодня по субботнему дню в сельсовете никого нету, в-третьих, сказать, вот он сам председатель сельсовета Иван Спиридонович сюда идет. Тебе его, старуха, с сундука не видать, а через окно он уже показался... При портфеле и при шляпе.

Действительно, секунды не прошло, как в комнату вошел Иван Спиридонович, сумрачно поздоровавшись с хозяевами и гостями, прошел к столу, бросил на него портфель, сел на стул и строго посмотрел на старуху Гамову.

— Без паники, товарищи, без паники! — сказал он.— Давайте будем соблюдать, товарищи, порядок и дисциплину. Вот ты, гражданин Гамов Василий Иванович, расскажи, как и что? Не торопись, в каждом слове себе отдавай отчет. Когда свинья потерялась, где потерялась?

Старик Гамов выступил вперед, размахнувшись, собрал бороду в кулак, чтобы начать свое сообщение, но старуха Гамова ему говорить не дала. Дед еще и рот разинуть не успел, как она начала строчить:

— А утром, утром потерялась. Вышла я, это, Машку покормить, к хлеву-то подхожу, а ее, родимой, не слыхать. То, бывало, хрюкает, двошит, от радости визжит, а тут молчит, голосу не подает, ровно ее и нет, болезной! Открываю хлев-то, а ее и взаправду нету. Я туда, я сюда, старика кричу, он не откликается... Уж потом, потом я узнала, что он в подполе, в подполе сидел. У меня там бражки немного оставалось...

Тут старик Гамов смутился, тонко захихикал, а сосед Струев Никита, у которого жена схожа с цыганкой, с укоризной заметил:

— При товарище председателе могла бы и без бражки обойтись!

Председатель же Иван Спиридонович на бражку никакого внимания не обратил. Он молча взял со стола портфель, со щелканьем и шуршанием открыл его, вынул какую-то бумажку и положил ее себе на колени, чтобы свободными руками надеть на нос очки. Надев их, Иван Спиридонович, по-прежнему обращаясь к старику Гамову, сказал:

— Да, путаная история... Однако есть и некоторые проясняющие обстоятельства... которые, может, и наведут на след... Вот тут на тебя, товарищ Гамов, заявление есть... Так что ты, Василий Иванович, бражку из головы выгони и внимательно прослушай нижесказанное. Товарищей тоже прошу не шуметь! Так вот:

«Председателю сельсовета т. Глузову от Луповой М. П. заявление. Прошу разобрать мою жалобу по существу. Мои соседи тт. Гамовы каждодневно пускают в мой огород и прилежавший двор свою свинью. За июнь месяц прядок подрыто семь, кустов молодой картошки семь, вырыто во дворе ям пять. По вечерам запертая в хлеву свинья визжит, не дает спать, мешает. Прошу принять надлежащие меры. К сему Лупова М. П.»

Вот такое заявление поступило на тебя, Василий Иванович, еще на той неделе... Ну, я ему хода не дал, думал, вы с Марией по-соседски сами разберетесь, а тут, слышу, свинья пропала... Такое совпадение...

И председатель Иван Спиридонович сложил на столе бумажку и положил на нее очки. В просторной горнице гамовского дома наступила тихая тишина. Старуха Гамова так и замерла с гребнем в руке, сам старик Гамов начал огорченно и понимающе покачивать головой, сосед Струев Никита, у которого жена все равно что цыганка, переглянулся с ней, а сторож при нефтебазе Матвеич — бородатый, но молодой — грозно усмехнулся. Потом все, кто был в доме Гамовых, стали высказываться. Первой, конечно, успела Петровна.

— Вот кто! — вскричала она.— Вот кто враг моей жизни!

Она застыла с выпученными глазами, а жена Струева Никиты, похожая на цыганку, сказала:

— То-то она два платья крепдешиновых сшила.

— К ней надо с обыском идти! — сказал сторож при нефтебазе.— Если надо, я могу срочно за ружьем сбегать!

— Ружье что, ружье и я могу принести! — сказал дед Лыньков, что до сих пор молча сидел в своем углу.— А ты, товарищ, хоть и сторож при нефтебазе, а на месте никогда не сидишь. На твоей должности мог бы человек находиться, который действительно старый, а не то что бороду отпустил...

Иван Спиридонович спрятал бумагу обратно в портфель и строго сказал деду Лынькову:

— Не будем сводить счеты, дед Лыньков, не место и не время. Ясно? — Но при этом поглядел на сторожа нефтебазы тоже неласково:— А ты, Матвеич, тоже глупости порешь — с обыском идти! Да это разве можно с точки зрения законности? Да за это нам знаешь что сделают? — После этих слов он поднялся и закончил так: — С другой стороны, моя точка зрения такая, что надо свинью искать. Давайте, товарищ Гамов, осмотрим сначала ваш хлев, а потом двор и огород Марии Луповой. Прошу сопровождать меня.

Иван Спиридонович пошел первым, за ним повалили остальные, и когда сгрудились возле крыльца, то оказалось, что день на дворе стоит очень жаркий. Июльское солнце так и палило из зенита, от голубой реки никакой прохлады не доносилось, деревья в палисаднике стояли тихо, посерев от уличной пыли. До того было жарко, что гамовские курицы, забравшись в тень, лежали с заведенными под лоб глазами и дышали тяжело, с перерывами. Но Иван Спиридонович все-таки повел народ осматривать хлев, спрашивая на ходу:

— Это, что ли, будет хлев? Это, что ли, вы за хлев держите?

— Он, он самый!

Да, картина была печальной и ясной! По всему было видно, что в хлеве когда-то была свинья — вот, скажем, еще ее корыто стоит,— и по всему так же было видно, что свинья в хлеве находилась совсем еще недавно — вот, скажем, в корыте еще размоченные корочки лежат, но самой свиньи Машки не было, хотя рядом с корытом виднелись ее свеженькие следы.

— Да! — углубленно проговорил Иван Спиридонович.— Свиньи нет!

— Хотя была свинья,— заметил Никита Струев.

— Небольшой период времени прошел,— добавил сторож с нефтебазы.

После этого все повалили на двор дома Луповой, но у самого забора остановились, так как хозяйки дома не оказалось. Как ни кричала ее старуха Гамова, соседка Лупова на двор не вышла.

Дом у доярки Луповой был небольшой, и ясно было, что проживает в нем Лупова легкомысленно — ни коровы, ни свиньи у нее не имелось, хлев давно обветшал, да и сам дом выглядел не лучше: на крыльце грязь, в окне одно стекло выбито и фанеркой заставлено, труба на крыше налево похилилась. А перед домом, ко всему, виднелись еще ямки, и вокруг них разбросанная земля.

— Вон, на дворе имеется разрытость! — указал пальцем через забор сторож Матвеич.— Раз... два... пять ям в наличии!..

— Выходит, не врала Мария,— заметила жена Струева Никиты, похожая на цыганку, и поджала губы.— Так и было написано, что пять, в заявлении-то...

А Иван Спиридонович возмущенно сказал старику Гамову:

— Как же это вы, товарищ Гамов, допускаете, что ваше животное производит разрытия на соседском дворе? За это вы знаете, что бывает, товарищ Гамов? За это штраф налагается.

А на улице было так жарко, что люди и пяти минут не простояли у забора, как всех охватила истома, не хотелось ни говорить, ни двигаться, хотя, конечно, старики Гамовы на жару реагировали меньше других.

Сам старик Гамов, выслушав председателя Ивана Спиридоновича, ответил:

— Я, товарищ председатель, законы понимаю, всю правду вижу. Конечно, во-первых, сказать, разрытия имеются, во-вторых, выразиться, грядка на огороде тоже подкопана, это все так. Однако, в-третьих, сказать, свиньи-то нету, свинья-то пропала!

— Да! — согласился Иван Спиридонович.— Свиньи нету!

После этого все обратили внимание на то обстоятельство, что старуха Гамова, Петровна, молчит — все от этого повернулись к ней и заметили, что Петровна подкатила глаза под лоб и шевелила губами, словно считала что-то. Длилось это минуты три, потом Петровна прошептала:

— Это она мою Машку извела! Она, она наша разлучница! Ой, люди добрые, да что она со мной сделала, ой, да чего же это теперь будет, когда нет ее у меня, моей красавицы! Люди!

Последние слова она шептала все громче и громче, слово «люди» уже выкрикнула во весь голос, а потом пошла голосить, как полагается: волосы растрепала, сдернув для этого с головы платок, кофту на груди рванула так, что верхняя пуговица отлетела. Старая старуха была, а крик имела пронзительный, сильный, даже могучий и голосила споро, несмотря на жару:

— Ой, да что она со мной, разлучница, сделала! Да как же я теперь без Машеньки-то жить буду! Да к кому утром в хлев побегу, да кого сладкой корочкой, картошечкой угощать буду. Ой, да люди добрые, да кто мне теперь визжать, хрюкать будет, кто мне сердце веселить станет. Ой, да нет мне теперя в жизни радости...

Петровна только еще набирала силу, еще только заламывала руки, чтобы дойти до полной мощности, как все вдруг стали смотреть вдоль улицы, по которой, оказывается, шла сама разлучница доярка Мария Лупова. За криками Петровны люди и не заметили, как Лупова вывернула из-за угла и теперь была уж совсем близко, метров двести было уж до нее, не больше.

— Ишь какая гладкая, зараза! — сказала Анфиса, жена Струева Никиты, похожая на цыганку.

— При солдате! — заметил сторож нефтебазы.

— Сейчас будет потеха,— предположил Струев Никита.

Мария Лупова на самом деле шла рука об руку с молодым солдатом, и она на самом деле была гладкая, розовощекая, такая вся сбитая, что ущипнуть ее, наверное, нельзя было. Вышагивала она в туфлях на высоком каблуке, платье на ней шелково блестело, чулки из капрона переливались, во рту — золотой зуб. Просто не верилось, что вот такая разнаряженная пышечка проживает в доме, где одно стекло выбито, на пороге неметеный сор, а труба похилилась налево.

Солдат при Луповой был строгий, весь скрипел, как новый кошелек, а во рту — вот чудо! — на том же самом месте, что у Луповой, тоже имел золотой зуб. Сверкая своими золотыми зубами, они весело о чем-то беседовали, но когда подошли ближе и увидели народ, солдат замолчал, а Мария Лупова сказала:

— Вот полюбуйтесь, Григорий Лукич, какие они есть, жители нашей деревни! Делать им нечего, так они у чужого дома очередь образовали.— И, обращаясь к старухе Гамовой, нахально спросила: — Эй, соседушка, за каким товаром стоит народ, чего такого выбросили?

Она хотела выкрикнуть еще какую-то грубость, но тут заметила председателя Ивана Спиридоновича, передумала и сказала своему солдату:

— Вы, Григорий Лукич, пройдите в горницу, пока я вот с этими занимаюсь, там и прохладнее и время проведете культурно.

Солдат ей на это козырнул и сказал:

— Слушаюсь, Машенька! Жду вас в полном порядке.

А она еще ему вслед сказала, глядя на народ безо всякого стыда:

— Там на тумбочке, Григорий Лукич, возле койки лежат журналы «Огонек» и «Служба быта»! Вы пока почитайте на досуге, а я сейчас!..

И солдат снова ей козырнул.

А когда он скрылся в доме, перешагнув через мусор на крыльце, доярка Лупова вынула из сумочки шелковый платочек и начала им обмахивать разгоряченное лицо — то ли жарко ей было, то ли так она разволновалась. И, так вот обмахиваясь, она улыбнулась золотым зубом и обратилась к председателю:

— Как раз хотела зайти, спросить вас, Иван Спиридонович, какой же, интересно, ход вы дали моей жалобе? Дайте мне ответ, а то я буду жаловаться в райисполком.

Иван Спиридонович нахмурился и сказал язвительно:

— Жалоба твоя, товарищ Лупова, подтвердилась, но возникло непредвиденное обстоятельство... Свинья-то эта самая как раз пропала. Нету ее больше, свиньи-то, и где она, неизвестно, так что я просто не знаю, как и реагировать на твое заявление...

И как только он это сказал, старуха Гамова стала шумно сморкаться, всхлипывать, а потом и заплакала, припадая головой к груди старика Гамова, который от нее сначала хотел отстраниться, но не смог — она его держала за рубаху. Петровна плакала и жалобно говорила:

— Отдай ты, злодейка, мою Машеньку! Не лишай ты меня в жизни последней радости. Отдай Машеньку, я тебе все ямки зарою, грядку сама поправлю, а когда Машеньку заколю, принесу тебе с килограммчик сальца. Ты его, если захочешь, можешь своему солдатику послать, а я родному сыну Андрюшеньке... Ой, верни мне мою красавицу, соседушка!

Оторвавшись от своего старика, Петровна подошла к Луповой, чтобы привалиться и к ее груди, но Лупова ей не позволила — отвела старуху крепкими руками и сама отступила шага на три. А потом положила руки на крутые бедра и, презрительно усмехнувшись, сказала:

— Меня, как передовую доярку, знают не только в районе, но даже и в области. Скажем, газета «Светлый путь» не для того мой портрет печатала, чтобы у меня под окном свиньи визжали и мои грядки разрывали. И если кто выступал в области на слете передовых доярок, так это я выступала...

— Подумаешь, какая пышная! — проговорила жена Струева Никиты, но Лупова на нее даже внимания не обратила. Она и ухом не повела, а только еще больше скривила губы и продолжала:

— Между прочим, мое заявление, Иван Спиридонович — ему неделя сроку.

Проговорив все это, Лупова поинтересовалась, как ее слушают, то есть посмотрела на народ, но, конечно, ничего хорошего для себя не увидела. И тогда она еще презрительнее улыбнулась и сказала, глядя на жену Струева Никиты, Анфису:

— А что вы меня за то просмеиваете, что я хозяйства не имею, так я на это дело плевала.— Тут она взяла и плюнула на жаркую землю.— Мне хозяйство — тьфу! Я на ферме столько зарабатываю, что мне по дому пластаться не надо. Я после работы домой приду, лучше журнал почитаю, чем со свиньями возиться. А то на музыке поиграю...

— Я, может быть, потому свинью и спрятала где — не скажу, что ко мне Григорий Лукич на краткосрочную побывку прибыл. Он человек культурный, городской, сам еще решить не может, где будет проживать после демобилизации, а тут по утрам только и слышно, что: «Машка, Машка». А это разве хорошо, если меня Марией зовут? Что Григорий Лукич может подумать?

Говоря это, она опасливо косилась на разбитое окно своего дома и даже голос занижала, когда объясняла причину. Закончив же, она стала, задрав нос, ждать от стариков Гамовых ответа, все еще подбочениваясь и взбрыкивая фигуристой ногой.

Сначала старики от радости не знали, что сказать, потом Петровна засомневалась:

— А если она на чужое имя не пойдет?

— А мне на это плевать!

Но тут председатель Иван Спиридонович им ругаться не дал, прикрикнул: «Тихо!» — и сказал:

Что она еще хотела сказать, так и осталось неизвестным, так как старуха Гамова вдруг бросилась к ней и закричала что было мочи:

— А ну отдавай свинью, бесстыдница! Отдавай свинью, а не то я тебе глаза выцарапаю!

Старухе Гамовой хоть и было под семьдесят лет, хоть она и сгорбатилась на тяжелой колхозной работе, но сила у нее в руках еще была, и дед Гамов, конечно, на ее стремительные действия отреагировал первым — он на лету перехватил свою старуху, уцепившись за нее обеими руками. Тут и другие мужики успели спохватиться и тоже преградили дорогу Петровне, а сторож нефтебазы сказал:

— Постой, постой, бабка, так не годится.

Но когда шум утих, когда Петровну немного успокоили, произошло то самое, о чем потом долго говорили в деревне и о чем старик Лыньков, не дождавшись конца разговора, побежал распространять сведения. Произошло же вот что: Лупова еще раз усмехнулась и сказала:

— Свинью я вам могу отдать!

Что после этого сделалось, трудно передать. Старуха Гамова от невыговоренных слов сделалась синяя, сам старик Гамов до того обрадовался, что начал бормотать: «Во-первых, сказать, во-вторых, сказать, в-третьих, сказать...», председатель Иван Спиридонович очень нахмурился, дед Лыньков как раз в этот момент и пошел-пошел рысью по деревне, а муж и жена Струевы многозначительно переглянулись, причем его, Струева Никиту, можно было так понять: «Ну, теперь дело дойдет до суда! Вот интересно-то!» Жена же его, похожая на цыганку, молча ответила: «Так ей и надо, стерве!»

Потом Иван Спиридонович кашлянул и спросил:

— Таким образом, значит, свинья у вас находится?

— Где свинья находится, это вам знать не обязательно! — нахальным голосом ответила на эти слова Лупова и, глядя на стариков Гамовых, сердито объяснила: — Я эту свинью только в том случае отдам, если вы ей имя перемените. Вот если вы при всем народе слово дадите свинью Машкой не называть, то при этом условии я ее отдам.

И так как народ все еще ничего не понимал, стоял на жаре, как чумной, Мария Лупова ему и заявила:

— Жалобу Марии Луповой считаю обоснованной. Непременно надо произвести переименование. Товарищей Гамовых прошу заняться этим вопросом, а тебе, Мария, предлагаю посетить сельский Совет для получения порицания. Если каждый станет свиней уводить из-за имени, что у нас получится?.. Между прочим, где ты ее прячешь, свинью-то, а, Мария?

— Где надо, там и прячу... Так будете переименовывать?

— Будем, будем! — хором закричали старики Гамовы.

Жарко было на улице, моченьки нет, но старики Гамовы, председатель Иван Спиридонович и прочий народ тут же начали придумывать новое имя для свиньи. Сначала они думали, что это дело простое, раз плюнуть, но тут же выяснилось, что все обстоит не так-то легко, как они предполагали. Например, первое же имя, которое предложила старуха Гамова — Зинка,— провалилось.

— А вдруг Зинаида Мурзина свинью уведет! — задумался сам старик Гамов.— Она ить от нас за три дома живет... Не назвать ли нам свинью Фроськой?

— Еще хужее! — засмеялся Струев Никита.— Тут вашу свинью на три части разорвут. В деревне-то три Фроськи.

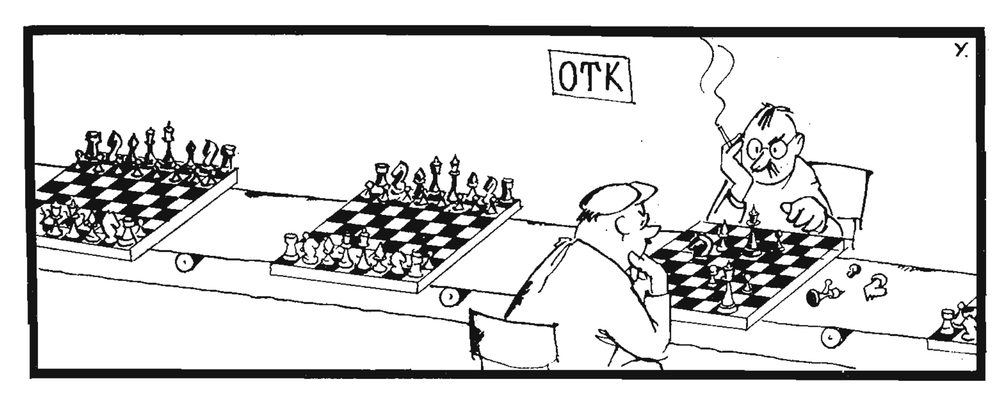
Вот задача получилась: сколько имен ни перебирали, все оказывалось, что такие в деревне имеются, и уже было старики опять приуныли, как выступила жена Струева Никиты, вроде цыганка, и сказала:

— Свинью надо Сильвой назвать.

Тут все обрадовались, заговорили: «Сильва, Сильва!»— и, когда этот шум прошел, доярка Лупова с народом согласилась.

— Правильно! — сказала она.— И имени такого в деревне нет и голос у меня под окнами будет приятный: «Сильва! Сильва!» Это мне нравится, да и Григорий Лукич может подумать, что наша деревня очень культурная, раз чушек Сильвами зовут... Я на это имя согласная. Забирайте свою Сильву, она у меня в предбаннике сидит...

Так была найдена гамовская свинья Машка, прозванная после этого случая Сильвой. А солдат Григорий Лукич, демобилизовавшись, женился на доярке Луповой.

На фабрике настольных игр. Рисунок М. УШАЦА

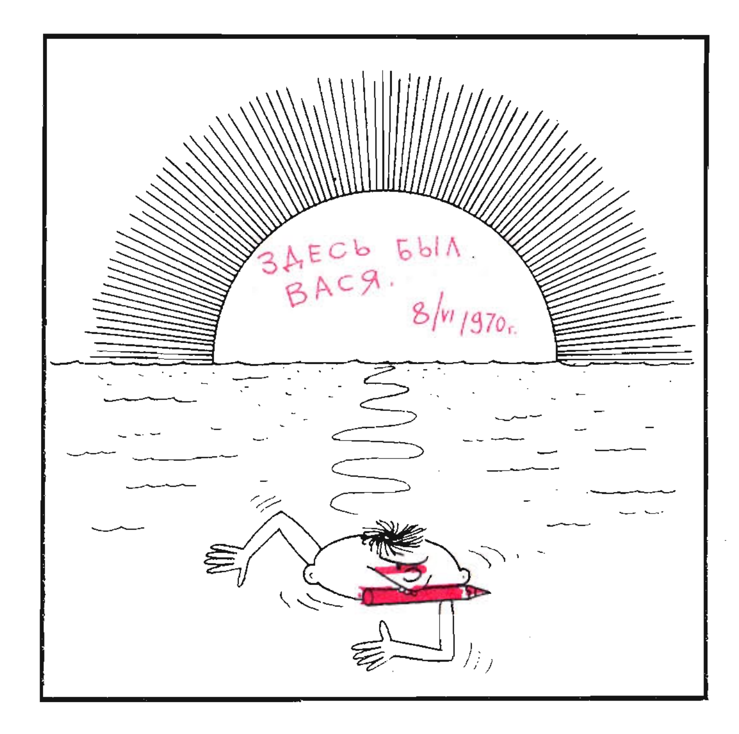

Рисунок Е. ШАБЕЛЬНИКА

Рисунок П. ОСТРОВСКОГО

МИМОХОДОМ

Гордилась тем, что в каком-то важном «Деле» играла роль первой скрепки.

В. САПРОНОВ.

Эпиграф к мемуарам: «Дай бог памяти».

Брак, близкий к расчетному.

В. КАНАЕВ.

Страдал манией преувеличения.

С. МАРКОВ.

Хочешь стать толстосумом — поступи в почтальоны.

Ю. НИКОЛЬСКИЙ.

Пыль садится без приглашения.

Гр. ГОРОДЕЦКИЙ.

Скажи мне, кто твой друг, и я скажу тебе, чем ты можешь быть мне полезен.

В. ВЕТРОВ.

по тому же поводу...

ДАЛЕКО ОТ ТАГАНРОГА

В некоторых городах страны появился в продаже эспандер, на котором было написано «Таганрог» и стояло число «1698». Многие, приобретая эспандер, ломали голову над этими цифрами (см. заметку «Упрек тренерам», «Крокодил» № 10).

Из ответа директора таганрогского завода «Прибой» тов. И. Низенко явствует, что надпись «1698 год» свидетельствует о дате основания Таганрога.

Публикуя заметку, мы, однако, хотели подчеркнуть другое: эспандер продается далеко от Таганрога, а никакого разъяснения по поводу загадочного числа на нем нет... Удержать же в памяти даты оснований всех городов страны — это разве только кибернетической машине по плечу.

«ЖЕНСКИЕ КАПРИЗЫ»

Фельетон под таким заголовком был помещен в 13-м номере «Крокодила» за этот год. В нем говорилось о том, что Главное управление торговли Мосгорисполкома решило слить объединение «Кинолюбитель» с фирмами «Весна» и «Синтетика».

Начальник Главного управления тов. Трегубов в ответе, полученном редакцией, пишет: «С передачей магазинов «Кинолюбителя» в состав новой торговой фирмы высвобождается минимум 15 работников, фонд заработной платы которых 1 560 рублей в месяц. Утверждение автора фельетона, что упразднение объединения «Кинолюбитель» приведет к ухудшению торговли кинофототоварами в Москве, не имеет под собой никакой почвы».

Редакция, получив столь разоблачительный текст, вновь навела справки. Из документов, подписанных старшим инспектором по кадрам и старшим экономистом фирмы «Весна», следует, что после слияния все 27 работников аппарата «Кинолюбителя» остались на своих местах, по «Кинолюбителю» не сэкономлено ни одного рубля.

Получен ответ и от заместителя министра торговли РСФСР тов. Саруханова:

«Министерство торговли РСФСР сообщает, что объединять узкоспециализированные магазины «Кинолюбителя» в одну фирму «Весна» нецелесообразно, так как это может ухудшить торговлю кинофототоварами в Москве».

Упорство, с которым тов. Трегубов защищает неправильную позицию Главного управления торговли, трудно понять.

«С ПЕРОМ ПО КРУГУ»

Автор Б. Жлобинский был взволнован. Его книга «Динамическое разрушение горных пород при вдавливании» задерживалась с выходом. Во Всесоюзное книжное объединение поступило заказов всего на 900 экземпляров книг. Что делать? И Б. Жлобинскому пришла блестящая мысль: послать своим коллегам письма с просьбой выручить его и прислать заказы. Об этом нововведении в книжной торговле рассказывала заметка «Вам, книголюбы» («Крокодил» № 6).

Как сообщает главный редактор издательства «Недра» тов. А. Кудашев, «издательство признало критические замечания, высказанные в его адрес, правильными и считает недопустимым, чтобы авторы занимались рекламированием своих книг... Однако следует отметить, что Всесоюзное книжное объединение, на которое возложены функции сбора заказов и распространения тиража... неудовлетворительно работает с научно-техническими изданиями. Примером тому может служить факт с Б. Жлобинским, вмешательство которого, как ни странно, привело к увеличению заказов на его книгу в три раза».

А Всесоюзное книжное объединение на выступление «Крокодила» так и не откликнулось.

Виктор ОРЛОВ

ТЫСЯЧА БОРОД

На студии шло обсуждение тематического плана.

Директор студии устроился поближе к графину, режиссерская братия — к выходу и пепельнице. Секретарша Джамилочка, сидевшая посредине, осуществляла связь руководства с массами, вела протокол и прикрывала диванной подушкой бушующий телефон. Из раскрытого окна пахло жарой и персиками.

— Итак, на повестке дня — современность,— провозгласил директор и отпил воды, отдающей горным водопадом.— Документ читали?

— Читали, читали, дорогой,— согласно откликнулись режиссеры.

— Кинобеков, что у тебя?

— У меня? — вздрогнул Кинобеков, прикрывая рукой листок, где он рисовал чертей.

— Ну, планы, мечты, эти... чаяния?

— Ах, планы... Есть планы! — твердо ответствовал Кинобеков, поправляя волнистые битловые волосы. Одним глазом он не забыл заглянуть в большое каминное зеркало, неизвестно зачем висевшее в кабинете директора.

— Поделись, поделись с коллективом и руководством!

— Представляете... — Кинобеков сделал таинственные глаза.— Двести всадников... Нет, триста! Они скачут на фоне заходящего солнца... Они преследуют одного... Башлык-ага — храбрый воин, он сумел умыкнуть двести пятьдесят третью жену владыки. Ну, разумеется, они были влюблены с детства и всякое такое... В роли жены владыки планирую снять нашу Джамилочку. Нужно смелее выдвигать собственные таланты!

Джамилочка зарделась над протоколом.

Директор постучал карандашиком по графину.

— Современности, современности не вижу! Мы что обсуждаем? Темплан. Документ читали?

— Читали, читали, дорогой,— согласно откликнулись режиссеры.

— Ай, директор... Не понимаешь! — помрачнел юный Кинобеков.— Фильм о чем? О любви, о молодежи. Это не современно? Фильм о чем? О том, как плохо было молодежи в проклятое старое время.

— Ну и что?

— Ну и то. Выйдет наша юная смена из кинозала на улицы нашего светлого города и подумает — что? «Ай, спасибо, что мы не живем в проклятое старое время!» Вот что она подумает.

— Тимурчик, как?

Новый редактор, по молодости лет называемый уменьшительно, окончил московское учебное заведение и считался на студии теоретиком.

— Ретроспекция в прошлое с проекцией на современность. Подойдет! — бодро отрапортовал Тимурчик.

Директор крякнул.

— Ну, хорошо. Всадники так всадники. Джамилочка, запиши Кинобекову всадников. Условное название есть?

— Условное название — «Семь ночей растоптанной любви»!

— Прокат возьмет,— подал голос Тимурчик.

— Совсем хорошо...— резюмировал директор.— Кинобаев, у тебя?..

Пожилой Кинобаев встал и погладил лысину, не забыв посмотреться в большое каминное зеркало, неизвестно зачем висевшее в кабинете директора.

— Я вижу пещеру...,—заявил он голосом чревовещателя.— Темную, сырую пещеру... Ужасную глубокую пещеру...

— Валяй, валяй дальше! — одобрил директор.

— В пещере — очертания человека. Нет, он скорее похож на скелет! Кишлак-ага — храбрый воин, но владыка велел заточить его в подземелье на двести лет за крамольные стихи. Ну, тут, конечно, обряды, сцены во дворце владыки триста лет тому назад... К поэту, рискуя жизнью, приходит возлюбленная — дочь владыки. В роли дочери владыки планирую снять нашу Джамилочку...

Джамилочка зарделась над протоколом.

Директор заколотил карандашиком по графину.

— Кинобаев! Документ читал?

— Читали, читали, дорогой,— нестройным хором откликнулись режиссеры. Половина уже вышла курить в коридор.

— Ай, директор...— поник лысый Кинобаев.— Тема у меня — что? Тема у меня — судьба гения. Судьба искусства, понимаешь, в проклятое древнее время. Ну, выйдет наш юный современник из кинотеатра. Ну и что он подумает? Как хорошо, подумает он, что поэты живут в новых квартирах и областное издательство издает их на хорошей бумаге,— вот что он подумает!

— Экскурс в прошлое с ракурсом на современность,— бодро выпалил Тимурчик.

— Ты думаешь?..— затуманился директор.— Смета большая?

— Сам понимаешь...— застеснялся Кинобаев.— Костюмно-историческая драма. Одних бород тысяча штук. Халаты — из краеведческого музея... Зато название — «Тайна чертовой пещеры», а?

— Прокат возьмет! — вставил Тимурчик.

Директор крякнул.

— Ну, хорошо. Джамилочка, пиши Кинобаеву пещеру. Киноханов!

Киноханов выскочил из коридора, таща за собой шлейф дыма. Он встал посреди кабинета и молча застыл, изредка подергивая усами. Одним глазом он поглядывал в большое каминное зеркало, неизвестно зачем висевшее в кабинете директора.

— Киноханов, не молчи! — потребовал директор.

— У-у-у! — внятно сказал Киноханов.— У-у-у-у-у-у-у-у...

Джамилочка закрыла лицо руками.

— Киноханов, это что? — спросил директор.

— Это ветер! — мрачно ответил Киноханов.— Он воет, как выл тысячу лет назад, когда не было нас, когда не было даже ханов, баев, беков, князей и владык, когда было сплошное проклятое первобытное прошлое! — Он победно оглядел кабинет, в котором осталось не больше полутора режиссеров.

— Воет, ну и что?

— В этом вое пробирается по каменистой пустыне человек. Шашлык-ага — храбрый воин, но проклятые древние законы заставляют его убить собственного брата. Кошмар?

— Кошмар,— согласился директор.

— Ну, тут, конечно, первобытные обычаи, пляски у костров. Заметь: постановочные расходы сведены до минимума.— Киноханов снова победно оглядел кабинет.— Только бараньи шкуры, три тысячи бараньих шкур. Нашу Джамилочку,— Киноханов поклонился,— тоже будем снимать в бараньей шкуре...

Джамилочка отняла пальчики от щек и зарделась.

Директор сломал карандаш об стол.

— Киноханов! Документ читал?

— ...али, дорогой,— донеслось со двора.

— Ай, директор! — Киноханов в гневе дернул себя за ус.— Ну, пусть Тимурчик скажет!

— Взгляд в прошлое с выглядом в современность... Наш современник, выходя на светлые улицы, скажет: «Как хорошо, что мне не надо убивать своего брата!» — бодро оттараторил Тимурчик.

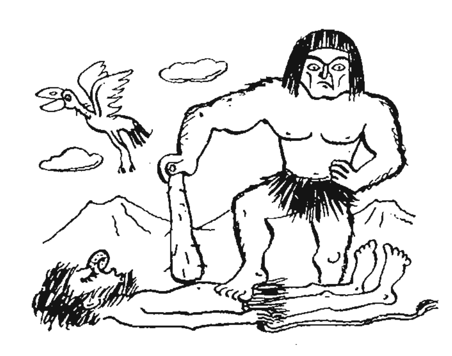
Директор крякнул.

— А название? Название есть?

Усатый Киноханов склонился к директорскому уху. Директор взвизгнул, как женщина под холодным душем.

— Ай, шайтан-майтан! Джамилочка... Заседание окончено.

Темплан был утвержден с одной поправкой. Вернувшийся из экспедиции старейший режиссер Кинян-Кинашвили предложил свой замысел. Красноглазый любит Волосатую, но ему мешает Длиннохвостый. Действие происходит за двести веков до нашей эры. Постановочных расходов никаких. Длиннохвостый съедает Волосатую, но благородный Красноглазый дубиной раскраивает череп негодяю. Тема большого гуманного звучания с прямым публицистическим обращением к потомкам. Условное название: «Когда мы были голыми».

— Уж лучше было бы все-таки дать ему книгу жалоб! Рисунок Л. САМОЙЛОВА

Е. МАТВЕЕВ, специальный корреспондент Крокодила

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ МЕСТЬ

Настала весна, и все пошло по-весеннему. Захорохорились воробьи, заворковали лягушки в болотце при автостанции, еще раз про любовь разохотились написать местные поэты. Даже мальчики с неодобряемыми прическами запели вдруг неожидаемую от них песню: «Когда весна придет — не знаю...»

По-весеннему выразился и местный житель Яроцкий, идя вдоль забора по улице Заслонова.

— Ну, я им покажу, где кузькина мать зимует! — Вот как выразился этот местный житель, идя по периметру забора.

Там, за забором, была территория Несвижского участка электросетей, и там тоже была весна. И намерзшие за зиму нефтемасло- и просто отбросы струились теперь вовсю и во все стороны, губя рыбхозовскую рыбу.

Так что местный житель Яроцкий имел полное право на свое восклицание. Да и не только право. Он состоял в длинно именуемой должности инженера Минской областной инспекции Государственного комитета по охране природы при Совете Министров Белорусской ССР и, кроме прав, имел еще и обязанности.

Вот он и не ограничился справедливыми устными восклицаниями, а вместе с представителем санэпидстанции составил обличительный протокол по всей письменной форме.

Протокол прошел по инстанциям, впечатлил кого нужно и в конце концов коснулся кармана начальника электросетевого участка Иоффе. Двадцать пять рублей — был штраф из этого кармана.

Штраф Иоффе уплатил, но при этом не смолчал. Тоже восклицание произвел. И тоже — с возмущением.

— Ну, что же это такое! — воскликнул он.— Ну, никакого житья тут нет! Ну, прямо как на Марсе!

Это он, конечно, не совсем точно выразился, но, однако, искренне. Инспектор Яроцкий вписывал в свои протоколы ответственных работников, невзирая на их лица — все равно какого масштаба.

Директоры заводов, загрязняющих реки и почву, сваливали все на безвыходность положения... Не проходил номер.

Группа товарищей, съевшая лося, бегала за инспектором со справками, в которых заверялось, что лось сам виноват — сам напал на группу товарищей, пытаясь их забодать, да не на тех напал... Не на того напали.

Заместитель министра республики тов. Менжинский предлагал коньячку на брудершафт и просил не сообщать Совету Министров о его ошибочной охоте на уток... Не выпил Яроцкий — сообщил.

И много еще было убедительных аргументов, не доходивших до сердца принципиального инспектора Яроцкого. Получали выговоры, платили штрафы и директоры, и группы товарищей, и заместитель министра...

У некоторых потом появлялась жажда мести, но, правда, проявлялась не ярко. Не выходила за рамки нецитируемых выражений.

Выразился, вспылив, и товарищ Иоффе. Но только на этот раз за словами последовало и дело. В дом инспектора по охране природы пришел инспектор энергосбыта и сказал: «Здравствуйте!»

Походил по дому, позаглядывал в углы, слазил в погреб, почистил брюки, наведался в сарай, обиделся на собаку, составил акт и сказал: «До свидания».

Ушел. Через десять минут пришли электрики и сказали: «Здравствуйте!»

Один на столб полез, другой на земле остался. Первый отстригнул провода и слез, а второй сказал: «Согласно акта». Потом оба сказали: «До свидания!» — и ушли, бренча железными кошками.

И дом очень просто перестал быть охваченным всеобщей электрификацией.

Сам инспектор Яроцкий при этом событии не присутствовал, а сын его, студент Коля, напуганный словами «Согласно акта», перечил гостям недолго и потихоньку.

Поэтому, застав дома потемки, инспектор Яроцкий в первую очередь пожурил сына Колю, а потом уж, светя спичкой, прочитал акт, в котором неодобрительно говорилось о качестве проводки в сарае и погребе.

Хотел было инспектор Яроцкий побежать к кому-нибудь с жалобой, да спохватился, что уже вечер и жалобу регистрировать некому. Хотел было отложить до завтрашнего утра, но спохватился, что утро субботнее будет, а по субботам опять же не очень-то разжалуешься. Ограничился тем, что у соседей свечку раздобыл.

В понедельник сразу пошел в райком.

— А мы не специалисты в области электричества,— сказали ему поочередно секретари райкома.

— Но если у меня электронепорядок в сарае и погребе, пусть тогда и отключают сарай и погреб, а не весь дом! — предложил Яроцкий.

— А мы не специалисты в области электричества! — повторили ему поочередно секретари райкома.— Идите к Пархимчику.

Пархимчик был председателем райисполкома, но тоже не был специалистом в области электричества. Руководящих специалистов имелось только двое: сам Иоффе и жена Иоффе — начальник энергосбыта.

Тогда Яроцкий отыскал рядового специалиста в области электричества, и после личного контакта с ним обрезанные провода были воссоединены.

Однако через день снова пришли электрики и уже не сказали: «Здравствуйте».

На этот раз сам Яроцкий был дома. Он и «здравствуйте» сказал и на хитрость пустился, пытаясь хотя бы разжалобить гостей. Он так сказал:

— А у меня сын учится, дочь у меня учится. Как же им без света?

Один электрик удивился:

— Ведь завтра же праздник! Они что, и в праздник учатся?

— Да не так чтобы...— сознался Яроцкий.

— Тогда все нормально,— сказал электрик.— Ученье — свет, неученье — тьма.

А второй электрик ничего не говорил. Это был сын Иоффе, и он сразу на столб полез. И уже со столба сказал нечто личное.

— Сам ты то же самое! — потерял выдержку инспектор.

И потом много еще было всяких слов. И даже собачий лай был, когда электрики захотели вообще унести провода, ведущие к дому, а это удалось лишь частично.

И снова инспектор Яроцкий ходил в райком и райисполком. Теперь там высказывались яснее:

— Вот видишь, до чего твои придирки и штрафы доводят! Предупреждали тебя — не слушал. Не подключили свет.

Тогда инспектор Яроцкий съездил в Минск и рассказал все заместителю начальника своей инспекции Яцуку. Тот позвонил в областное управление электросетями. Оттуда позвонили в Несвиж. После чего Яроцкому сказали, чтобы он ехал домой — электрики уже пошли на попятный и пошли электрифицировать его дом.

Вернулся Яроцкий домой — света нет.

И еще прошла целая неделя, пока заместитель начальника инспекции комитета по охране природы специально не приехал в Несвиж защищать своего инспектора. Четыре часа заседал он вместе с районными руководителями и доказывал, что своими протоколами Яроцкий защищает природу, пока есть что защищать, а вовсе не «очерняет район перед лицом всей республики», убеждал помогать ему в этом... Но дело пошло на лад только тогда, когда заместитель начальника инспекции заявил, что вынужден будет доложить обо всем на заседании Государственного комитета.

Вот тогда-то (весна уже кончалась, и лето начиналось) свет подключили. В порядке исключения. А приехавшему еще позднее корреспонденту «Крокодила» с обидой сказали:

— Ну вот, теперь из-за этого Яроцкого наш район может быть очернен уже перед лицом всего государства!

Так и вышло.

Белорусская ССР, г. Несвиж.

КОЛЮЧИЙ БУКЕТ

Какой пышный и пестрый букет могут составить шестнадцать сатириков, собравшихся «под одной крышей», продемонстрировали авторы сборника «Не стой на дороге», выпущенного Верхне-Волжским книжным издательством (г. Ярославль, 1970 г.). Здесь рассказы и миниатюры, фельетоны и пародии, стихотворные памфлеты и басни, каламбуры и шутки, эпиграммы и иронические посвящения, юморески и сценки, сказки и эпитафии — словом, колючих «цветочков» для букета набралось предостаточно. И не удивительно, что бюрократы, перестраховщики, лодыри, очковтиратели, халтурщики и прочие типы самых разных сортов и оттенков попали «под перекрестный огонь» — именно так и назван, кстати, один из разделов сборника.

Среди авторов — знакомые читателям «Крокодила» имена М. Глазкова, Г. Кемонлидзе, Г. Ладонщикова, И. Мартьянова, Вл. Михайлова.

Верхне-Волжское издательство вообще нельзя упрекнуть в невнимании к сатирическому жанру. Отмечая этот отрадный факт, читатель закрывает книжку с пожеланием:

— Так держать! Больше колючих букетов — хороших и разных!

60 500 Ю. НИКУЛИНЫХ

пришли на днях к любителям цирка. 60 500 — это тираж книжки «Цирковые клоунады, интермедии, репризы», которую написал популярный клоун Юрий Никулин в соавторстве с литератором Михаилом Татарским. Это массовое представление организовано издательством «Советская Россия».

САТИРА НА КОЛЕСАХ

Международная выставка «Сатира в борьбе за мир», гостившая в Москве в залах Академии художеств, оказалась непоседой. 150 лучших работ этой выставки отправились из Москвы в Хельсинки.

Общественность финской столицы с большим интересом отнеслась к выставке. Сторонники мира решили дать возможность познакомиться с боевым искусством карикатуристов всей стране и отправили выставку в турне по Финляндии. А затем выставка-путешественница перекочевала в Софию, где ее тепло встретили болгарские друзья мира.

После дождя.

Рисунок А. ЦВЕТКОВА

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«Граждане пассажиры, в вагоне находится живой кондуктор, деньги за проезд платить ему».

(Объявление в трамвае.)

Прислала А. Горбунова, г. Куйбышев.

«Спортсмены моторного не раз поражали судей своим метким огнем».

Газета «Моторостроитель». г. Барнаул.

Обьявление
Почта перенеслась на ул Комсомольская возле чайной Новое здание

Прислал Т. Шкирко, г. Кицмань.

ПРИКАЗ
По Убинскому РО Сельхозтехника
с.Убинское № 5 от 12/2-70г.

Мною было неоднократно предупреждено автомеханику БАЩУК А.П. навести порядок на ст.тех.обслуживания по наведению порядка расстановки спец.машин, однако этого указания БАЩУК не исполнил ПРИКАЗЫВАЮ:

За бесхалатное отношение к выполнению приказов объявить выговор без занесения в личное дело.

И.О.Управляющий Убинского РО Сельхозтехника: /М.РОМАНОВ/

Прислал А. Якушенко, Новосибирская обл.

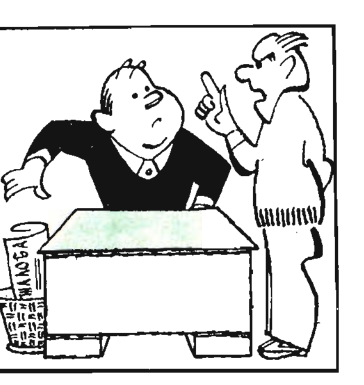
ТОВАРИЩИ ПАССАЖИРЫ!
с 1 марта по 31 марта 1970 года
в управлении трамвая города Макеевки ПРОВОДИТСЯ
МЕСЯЧНИК
общественного контроля по обилечиванию пассажиров

г. Макеевка. Фото А. Мороза,

Объявление
Ввиду отсутствия электроэнергии вторые блюда не выдерживают температуру
Администрация

(Объявление в столовой.)
Доставил В. Шульга.
г. Петропавловск-Камчатский.

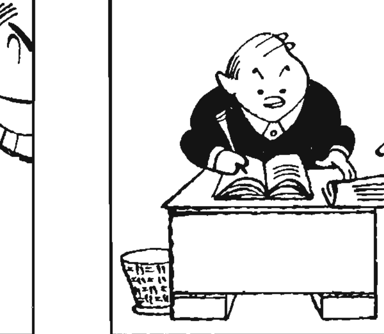
Рисунок М. ВАЙСБОРДА

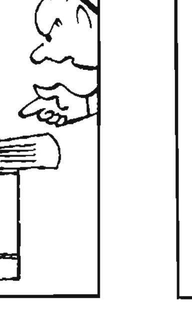
— Жалобу? В корзину? Безобразие! Ее надо...

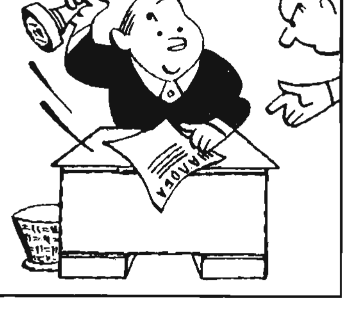

прочесть...

зарегистрировать...

пронумеровать...

Вот теперь другое дело!

ХУМОР & САТИРА ГАБРОВО
ЮМОР И САТИРА ГАБРОВО

М. СЕМЕНОВ

ОНИ — ГАБРОВЦЫ

Рассказывают такую историю. В Габрово прибыли туристы и спросили у одного старожила, сколько жителей в городе.

— Здесь нет жителей,— ответил старожил,— тут все габровцы.

Ответ поистине мудрый. И в этом мы убедились, побывав в Габрово на традиционном фестивале юмора. Когда началось костюмированное шествие героев знаменитых габровских анекдотов, то не осталось, кажется, ни одного горожанина или горожанки, которые не вышли бы на улицы и площади, не заняли бы выгодных позиций на крышах домов, балконах и в проемах широко распахнутых окон. Мужчины, женщины, подростки и старики с энтузиазмом приветствовали участников красочного шествия, шутили, смеялись, распевали задорные песни. Короче говоря, все они оказались габровцами.

Праздник улыбок и смеха габровцы провели широко и щедро, что в известной степени противоречило утвердившейся за ними репутации скуповатых людей. Десять дней шло веселье: устраивались карнавалы, ставились комедийные спектакли, выступали артисты эстрады. Диапазон зрелищ был огромный: от «Веселой вдовы» Легара и «Любовного напитка» Доницетти до пионерских эстрадных сатирических ансамблей. Свое молодое, задорное искусство приехали показать габровцам профессиональные и самодеятельные сатирические театры и ансамбли из Софии, Варны, Старой Загоры, Сливена, Казанлыка и других мест.

Во время карнавального шествия по городу разбрасывались листовки, где, между прочим, говорилось:

«Габрово — единственный в своем роде город Болгарии, а значит, и единственный в целом мире. Он объявлен неофициальной столицей юмора и сатиры нашей страны, но пройдет немного времени, и Габрово превратится в веселую столицу мира. Нетерпеливый человек может спросить: «Почему?» Да потому, что габровцы рассказывают анекдоты всему миру. А ведь все знают: анекдоты сочиняют самые остроумные и талантливые люди. Так что габровец — это звучит гордо. Истина, не терпящая никаких опровержений».

Конечно, эта декларация может быть воспринята как некий перехлест. Но ей-ей, нет ничего страшного в том, что люди немножно преувеличили свое значение в мире и свои заслуги. Это же габровцы! Их надо слушать и... улыбаться. Тем более что они не стыдятся смеяться сами над собой, выставляя напоказ свои действительные и мнимые недостатки.

К празднику был приурочен выход специального номера окружной газеты «Балканское знамя», в котором все его двенадцать страниц были заняты юмористическими рассказами, фельетонами, эпиграммами, анекдотами и карикатурами. Вышел и сборник «Габровцы смеются», составленный из произведений местных сатириков и, естественно, из новых габровских анекдотов. Так что правильнее было бы назвать сборник «Габровцы продолжают смеяться». Над чем же? А все над тем, что габровцы...

...подсыпают муку в пудру своих жен...

...продают бесцветный лимонад в бутылках из цветного стекла...

...не умеют встречать, зато умеют очень хорошо провожать...

И так далее.

Впрочем, последнее утверждение явно неверно. Габровцы — очень радушные хозяева и щедро наградили всех гостей фестиваля улыбками.

Ниже мы печатаем новые габровские анекдоты.

ГАБРОВО ИЗВЕСТНО ТЕМ, ЧТО ЗДЕСЬ ОБРУБАЮТ КОШКАМ ХВОСТЫ, ЧТОБЫ ДВЕРЬ ЗА НИМИ ЗАКРЫВАЛАСЬ БЫСТРЕЕ И ИЗ КОМНАТЫ НЕ УХОДИЛО ТЕПЛО.
УЧАСТНИКИ ФЕСТИВАЛЬНОГО ШЕСТВИЯ ЗАПУСТИЛИ НА ВОЗДУШНЫХ ШАРАХ МАКЕТЫ КОТОВ И КОШЕЧЕК С УКОРОЧЕННЫМИ ХВОСТАМИ...

ПОКЛАДИСТЫЙ ДОЛЖНИК

Один габровец попросил у приятеля взаймы двадцать левов.

— Не могу,— ответил приятель,— у меня у самого только десять.

— Ничего, давай десять, остальные я подожду.

ДОЛГОЖИТЕЛЬ

Старый габровец дожил до ста двадцати лет, но еще продолжал пасти овец и коз. Один журналист решил взять у долгожителя интервью. Первый вопрос был такой:

— Скажите, отец, какое вы пили молоко: овечье или козье?

— Дешевое,— ответил долгожитель.

ПЕЛАМИДА

Габровец покупает пеламиду. Продавец спрашивает, какую часть рыбы ему отрезать.

— Отрежь немного от головы. Хорошо. Отрежь и от хвоста. Очень хорошо! А теперь дай мне середину.

ВМЕСТО КОФЕ

В софийское кафе зашел габровец. Его узнал дальний родственник и пригласил к столу, чтобы угостить кофе.

— А сколько это стоит? — спросил габровец.

— Двадцать стотинок.

— Я не хочу, чтобы ты так тратился на меня,— сказал габровец.— Закажи мне лучше две спички.

ВРЕМЯ — ДЕНЬГИ

Один габровец спросил у другого, который теперь час.

— Десять двадцать и пять стотинок,— ответил тот.

В ГАБРОВСКОЙ ШКОЛЕ

Учитель объясняет действие серной кислоты.

— Дети, представьте, что вы опустили в серную кислоту золотую монету. Скажите, будет ли она повреждена?

Все молчат.

— Нет,— говорит наконец один из учеников.

— Почему?

— Какой же дурак будет кидать деньги в кислоту!

БАЙ ГАНЮ — ОСТРОСЛОВ И ГЕРОЙ БОЛГАРСКОГО ФОЛЬКЛОРА — В КОНЦЕ ПРАЗДНИКА ЗАПЕЧАТЛЕЛ НА ПАМЯТЬ СВОИХ ДРУЗЕЙ.

СЧЕТ

Габровец быстро гнал автомобиль. Неожиданно перед ним выскочил человек. Водитель так нажал на тормоза, что даже покрышки колес завизжали по асфальту.

Перепуганный прохожий стал взволнованно благодарить шофера за спасенную жизнь и решил как-то вознаградить его.

— У меня пятьдесят левов,— сказал он.— Сорок из них ваши.

— И еще пять левов за визг покрышек,— спокойно дополнил габровец.

ПАРИ

Габровец и шотландец заключили пари, кто дольше проживет без еды. Через месяц умер от голода шотландец, признав себя, таким образом, побежденным. Вслед за ним умер и габровец. Но умер от отчаяния: теперь ему не с кого было получить свой выигрыш.

УСТРОИЛСЯ

Габровец и шотландец были приглашены на обед.

До назначенного дня шотландец голодал и вынужден был потратить несколько стотинок, чтобы добраться до ресторана на автобусе.

Габровец тоже голодал и ослаб так же, как шотландец, но доехал бесплатно — на автомобиле «Скорой помощи».

В АВТОБУСЕ

Габровец вскочил в автобус со своим ребенком.

— Сколько стоит билет для него? — спросил габровец.

— А сколько лет вашему сыну?

— Пять.

— Поедет без билета.

— Вот не думал! Даже если он будет занимать отдельное место?

— Все равно.

— А если я возьму сына на колени, сколько вы заплатите мне?

ПРИГЛАШЕНИЕ ГОСТЕЙ

— Только Даракчеевых не приглашай, потому что они обязательно придут.

ДИАЛОГ

Встречаются два габровца.

— Сигареты есть?

— Нет.

— А как самочувствие?

— Тоже нет.

ЭКОНОМИЯ

— Как ты хочешь назвать дочку — Ива или Иванка? — спрашивает отец.

— Конечно, Ива! — категорически отвечает мать.— На Иву пойдет вдвое меньше чернил.

У ТЕЛЕВИЗОРА

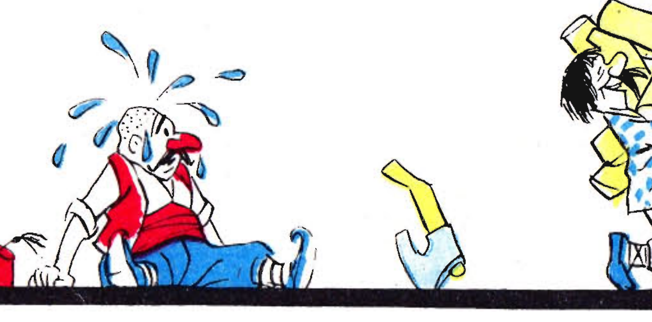
У одного габровца испортился телевизор: изображение есть, а звука нет.

— Жена,— говорит он,— попроси соседа Генчо включить погромче звук. Тут я буду смотреть, а оттуда слушать.

Рисунки И. СЕМЕНОВА

БОЛГАРИЯ ДОЛГО БЫЛА ПОД ИНОЗЕМНЫМ ИГОМ. НО И В ТО ТЯЖЕЛОЕ ВРЕМЯ ОЗОРНОЙ, НЕПРЕКЛОННЫЙ ГАБРОВСКИЙ ДУХ НЕ УГАСАЛ.
ОДНАЖДЫ ПОРАБОТИТЕЛИ РЕШИЛИ КАЗНИТЬ ГАБРОВЦА. ВНИМАТЕЛЬНО ПОСМОТРИТЕ НА ЭТИ РИСУНКИ И ВЫ УЗНАЕТЕ, ЧТО ИЗ ЭТОГО ВЫШЛО...

КРОКОДИЛ

№ 18 (1956)

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Темы рисунков этого номера придумали: А. Баженов, М. Вайсборд, В. Жаринов, С. Кузьмин, Н. Лисогорский, П. Островский (г. Волгоград), Б. Савков, Ю. Степанов, М. Ушац, Ю. Черепанов, Е. Шабельник.

Главный редактор
М. Г. СЕМЕНОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Технический редактор
А. В. КОТЕЛЬНИКОВА

Сдано в набор 11/VI 1970 г. А 00097. Подписано к печати 19/VI 1970 г. Формат бумаги 70 × 108 1/8. Объем 2,80 усл. печ. л. 4,54 уч. изд. л. Тираж 5 750 000 экз (1 завод: 1 — 4 186 500). Изд. № 704. Заказ № 1554.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, Москва, А-47. ул. «Правды», 24

Цена номера 12 коп.
Индекс 70 448

ХВАТИЛ ЛИШНЕГО...

— А вот я сейчас покажу, где проходят границы великого Израиля!

Рисунок А. БАЖЕНОВА